

Фотоателье ненаступивших дней

АЛЕКСЕЙ КОРНЕЛЮК

Алексей Корнелюк

Фотоателье ненаступивших дней

Серия «Не умирай пока не прочитаешь эти книги», книга 3

https://litres.ru/74198213
SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцатипятилетний Илья каждый день фотографирует людей на документы и знает: для паспорта нужно правильное лицо, нейтральный фон и никаких лишних эмоций. Его собственная жизнь устроена так же.

Однажды за серой фотопанелью он обнаруживает старое ателье. Камера внутри печатает не настоящее, а жизнь, в которой исполнилось главное желание человека. На снимке Илья — известный писатель, рядом женщина, которую он потерял десять лет назад, а отец всё ещё жив.

Достаточно положить фотографию под подушку — и утром проснёшься внутри неё. Но каждый день в идеальной жизни стирает одно настоящее воспоминание.

Когда в ателье приходит Вера и получает снимок, где она счастлива без мужа и детей, они начинают искать границу между

мечтой и бегством. Скоро Илья понимает: камера не показывает возможное будущее. Она строит красивую, послушную и мёртвую реальность из того, что человек готов забыть.

Чтобы вернуть свою жизнь, ему придётся уничтожить лучшую её версию.

Содержание

Глава 1. Лицо без выражения 6
Глава 2. За серым фоном 23
Глава 3. Фотоателье «Мечта» 41
Глава 4. Снимок, которого не было 62
Глава 5. Два дня спустя 81
Глава 6. Переснять нельзя 108
Конец ознакомительного фрагмента. 127

Алексей Корнелюк
Фотоателье ненаступивших дней

Алексей Корнелюк
ФОТОАТЕЛЬЕ

НЕНАСТУПИВШИХ ДНЕЙ
роман

Глава 1. Лицо без выражения

Люди ненавидели свои фотографии на паспорт сильнее, чем некоторые родственники. Родственника можно не приглашать на день рождения, заблокировать, переждать. Паспорт приходилось носить с собой десять лет. В нём человек оставался с приплюснутыми ушами, тяжёлыми веками и тем выражением, которое возникало на лице, когда незнакомый мужчина за камерой говорил: подбородок чуть ниже, рот закройте, прямо смотрим.

— Я так ужасно выгляжу?

Женщине было лет сорок пять. Или пятьдесят два. Возраст у неё начинался возле глаз, спускался к шее и там почему-то прекращался, потому что ниже всё было обтянуто белой водолазкой с таким усердием, будто водолазку натягивали двое. Илья развернул монитор.

— Выглядите нормально.

— Это не нормально.

Она ткнула пальцем в экран. Ноготь у неё был длинный, бледно-розовый и острый. Таким удобно вскрывать письма и чужое достоинство.

— Вот здесь уберите.

— Что именно?

— Вот это.

Она обвела пальцем всё лицо. Илья посмотрел на неё, по-

том на фотографию. Камера, надо отдать ей должное, почти не соврала. Под глазами лежали тени, нос слегка ушёл вправо, губы были сжаты. В жизни женщина держала их точно так же, только разговаривала.

— Я могу немного выровнять цвет кожи, — сказал Илья. — Убрать блеск. Но черты лица менять нельзя.

— А морщины?

— Немного смягчить.

— Смягчите все.

— Все нельзя.

— Почему?

Этот вопрос ему задавали по двадцать раз в день. Почему нельзя убрать второй подбородок, уменьшить нос, расширить глаза, поднять волосы, стереть родинку, добавить родинку, сделать лицо уже, моложе, свежее, добрее, но чтобы пограничник узнал. Люди хотели официального подтверждения, что государство согласно с их представлением о себе.

— Потому что фотография должна соответствовать внешности.

Женщина посмотрела на Илью так, словно внешность была чужой ошибкой, а он отказывался её исправлять.

— Сделайте ещё раз.

— Хорошо.

Он нажал кнопку на пульте, поправил высоту стула и жестом показал ей сесть ровнее. За спиной женщины висел се-

рый фон. Нейтральный, матовый, без пятен и складок. Илья завидовал ему. Серый фон никому ничего не обещал, поэтому к нему не было претензий.

— Плечи опустите.

— Они опущены.

— Тогда не поднимайте их сильнее.

Женщина опустила плечи на три миллиметра и сразу стала выглядеть так, будто её приговорили к чему-то неприятному, но не неожиданному.

— Голову чуть вправо.

Она повернула голову слишком сильно.

— Не так. Совсем немного.

— Вы же сказали вправо.

— Вернитесь. Ещё. Ещё чуть-чуть. Стоп.

Илья посмотрел в видоискатель. Лицо заняло нужную площадь. Макушка не обрезана. Расстояние от подбородка до нижнего края допустимое. Глаза на одной линии, хотя левый всё равно сидел чуть ниже правого. Это уже была не его проблема. Есть вещи, которые не выровняешь даже в официальном документе.

— Не улыбайтесь.

— Я и не улыбаюсь.

— Отлично.

Вспышка хлопнула. Женщина моргнула.

— Я моргнула.

— Да.

— Почему вы тогда сфотографировали?

Илья сделал ещё один кадр.

В центре изготовления документов «Точный кадр» стояли четыре рабочих стола, три принтера, один терминал для оплаты и пластиковая пальма, которую начальница Тамара Викторовна купила после отпуска в Турции. Пальма собирала пыль, не требовала зарплаты и потому считалась лучшим сотрудником. На стеклянной двери белыми буквами было написано: ФОТО НА ДОКУМЕНТЫ. КСЕРОКОПИЯ. ПЕЧАТЬ. ЛАМИНИРОВАНИЕ. СКАНИРОВАНИЕ. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ФОТОГРАФИЙ. Ниже кто-то ногтем соскоблил две буквы из слова «ламинирование», и теперь услуга выглядела незаконной.

Центр находился на первом этаже старого административного здания между аптекой и мастерской по ремонту телефонов. Из аптеки пахло картоном и чистотой. Из мастерской — нагретой пылью. В «Точном кадре» пахло бумагой, пластиком, человеческими куртками и кофе, который Илья заваривал утром, забывал выпить и обнаруживал вечером с серой плёнкой на поверхности. За стеклом сидели двое. Молодой парень в форме курьера листал телефон, поставив между коленями квадратный рюкзак. Рядом пожилая женщина держала прозрачную папку с документами обеими руками, как будто в ней лежало её сердце и его могли потребовать для копии.

— Готово через десять минут, — сказал Илья женщине в

белой водолазке.

— Я посмотрю сначала.

— Посмотрите.

Он открыл два кадра рядом. На первом она моргнула. На втором смотрела прямо в объектив с холодной неприязнью.

— Здесь я злая.

— Вы не злая. Вы серьёзная.

— Я не такая серьёзная.

Илья не ответил. За одиннадцать лет работы он понял, что человек никогда не знает, какой у него вид, когда он молчит. Большинство считало себя задумчивыми. На фотографии выяснялось, что они усталые, испуганные, раздражённые или просто хотят в туалет.

— Можно чуть-чуть улыбнуться? — спросила женщина.

— На российский паспорт выражение должно быть нейтральным.

— У меня нейтральное лицо добрее.

— Покажите.

Она вытянула губы, расширила глаза и слегка приподняла подбородок. Получилось лицо женщины, которая увидела знакомого, но не помнила, сколько денег он ей должен. Илья сделал третий кадр.

— Вот.

— Здесь лучше.

— Хорошо.

— Только шею подправьте.

— Шею нельзя.

— Почему шею нельзя? Шея же не лицо.

У Ильи зазвонил телефон. На экране было написано «Лена». Он перевернул аппарат экраном вниз.

— Потому что она ваша, — сказал он.

Женщина замолчала. На секунду Илья подумал, что произнёс это грубее, чем собирался. Потом решил, что собирался именно так.

Она расплатилась картой, забрала чек и села ждать. Илья перенёс снимок в программу, выставил размер, чуть убрал красноту возле носа и ослабил тени под глазами. Морщины трогать не стал. Тамара Викторовна говорила, что клиент всегда прав, пока не просит сделать уголовно наказуемое, бесплатно или после закрытия. Илья придерживался другой системы: клиент был прав до тех пор, пока не садился на стул. Телефон снова завибрировал. Лена.

Он видел её последний раз на похоронах отца. Она пришла раньше него, стояла возле входа в крематорий и держала бумажный стаканчик с кофе. На ней было серое пальто, которое Илья помнил ещё по их совместной жизни. Пальто пережило их отношения, двух президентов, пандемию и несколько периодов, когда Лена резко меняла себя. Сначала йога. Потом психотерапия. Потом бег. Пальто не менялось.

Она обняла его, и он почувствовал запах её шампуня. Дешёвого, яблочного, такого же, как десять лет назад. Илья тогда подумал не об отце, лежавшем в соседнем помещении,

а о том, что Лена всё ещё моет волосы этой дрянью. Потом ему стало стыдно. Не сразу. Уже дома, когда он ел холодные пельмени над раковиной.

Три недели после похорон люди звонили ему чаще, чем за предыдущие три года. Сначала спрашивали, как он держится. Потом — разобрал ли вещи. Потом — что будет с квартирой. Затем звонки стали деловыми, будто смерть отца была ремонтом, который затянулся и мешал соседям.

Лена звонила насчёт ключей. Или документов. Или коробки с книгами, которую отец когда-то забрал у неё, когда Илья съезжал. Она говорила об этом на похоронах, но он почти не слушал. Ему тогда хотелось курить, хотя он бросил восемь лет назад, и ударить двоюродного брата Мишу, который сказал возле гроба:

— По крайней мере, не мучился долго.

Как будто отец выиграл скидку на смерть.

— Илья Алексеевич.

Он поднял голову. Тамара Викторовна стояла в дверях подсобки. Невысокая, плотная, с короткими волосами цвета варёной моркови. Она красила их сама и считала, что получается медный оттенок. Медный оттенок получался у старых труб. У Тамары Викторовны выходило предупреждение.

— У вас очередь.

— Я вижу.

— Если видите, почему человек сидит?

Курьер поднял глаза от телефона и быстро опустил обрат-

но.

— Потому что ждёт.

— Не умничайте с утра.

— Уже половина третьего.

— Тем более.

Тамара Викторовна подошла к его столу и посмотрела на экран.

— Чего так долго?

— Клиентка просит оставить от неё только сходство.

— Клиентка всё слышит.

Женщина в белой водолазке сидела в трёх метрах и делала вид, что читает объявление о защите персональных данных.

— Я ничего не говорил, — сказал Илья.

— У вас лицо говорит.

— Для документов подходит?

Тамара Викторовна поджала губы. Она работала в центре шестнадцать лет и знала о нём всё, кроме того, как пользоваться сканером без крика. По её убеждению, любая техника начинала уважать человека, если несколько раз ударить ладонью по корпусу. Принтер действительно иногда после этого оживал, что укрепляло её мировоззрение.

— В пятницу проверка, — сказала она. — Я повторяю последний раз.

Она повторяла это четвёртый день.

— Все согласия должны лежать по датам. Чеки подколоть. В базе никаких пустых полей. Коля опять сохраняет файлы

как «мужик один», «баба синяя кофта» и «ребёнок орёт». Если это увидят, платить будем из зарплаты.

— У Коли нет зарплаты, из которой можно заплатить.

— Есть. Маленькая, но есть.

Из подсобки донёсся грохот. Затем голос Коли:

— Всё нормально!

— Вот именно поэтому я и переживаю, — сказала Тамара Викторовна.

Она ушла проверять, что именно нормально. Илья отправил фотографии на печать. Принтер втянул лист, задумался, зашуршал. Внутри что-то щёлкнуло. Он всегда представлял, что там сидит маленький злой человек и решает, кому сегодня испортить заказ. Фотографии вышли тёплыми и влажноватыми. Илья разрезал их на резаке, проверил размер линейкой и вложил в бумажный конверт.

— Пожалуйста.

Женщина подошла, достала одну фотографию и долго смотрела на неё.

— Всё равно я здесь какая-то несчастная.

— Фотография не показывает счастье.

— А что она показывает?

— Что вы были здесь в четырнадцать тридцать семь.

Она посмотрела на него ещё секунду, будто собиралась пожаловаться начальству, государству или Богу. Потом убрала конверт в сумку.

— Вам бы с людьми помягче.

— Я стараюсь.
— Не заметно.
— Значит, натурально получилось.
Дверь хлопнула. Курьер подошёл к стулу.
— Мне на визу.
— Какая страна?
— Китай.
— Размер знаете?
— Мне сказали три на четыре.
— Для китайской визы другой формат.
— А мне сказали три на четыре.
— Кто сказал?
— В агентстве.
— Тогда пусть агентство вас фотографирует.

Парень посмотрел на Илью с уважением человека, увидевшего, что чужая работа тоже может быть бессмысленной. Илья открыл требования на экране. Размер фотографии, светлый фон, положение головы, видимость ушей, отсутствие очков. Он знал большую часть параметров наизусть, но после случая с канадской визой перестал полагаться на память. Тогда клиент вернулся через неделю, бросил на стол отказ и сказал, что Илья разрушил ему будущее. Будущее клиента стоило четыреста рублей и было переснято бесплатно.

— Куртку снимите.
— Зачем?

— Чтобы воротник не закрывал шею.

— Я без футболки.

— Почему?

— Жарко было.

— На улице плюс семь.

— В машине жарко.

Илья посмотрел на него.

— Тогда застегните куртку ниже.

Курьер снял рюкзак, сел и дёрнул молнию. Под курткой действительно ничего не было, кроме тонкой цепочки и волос на груди. Илья видел за день больше чужих шеек, ушей и подбородков, чем некоторые врачи. Отдельные части человека при этом казались приличнее целого.

— Волосы со лба уберите.

— Они всегда так лежат.

— На фотографии брови должны быть видны.

Парень провёл ладонью по голове. Волосы поднялись, потом упали обратно.

— Не держатся.

Илья протянул ему одноразовую расчёску.

— В туалете есть вода.

— А гель?

— Нет.

— Лак?

— Это фотоцентр.

— Мало ли.

Пока курьер пытался победить волосы, вошла мать с девочкой лет пяти. Девочка сразу увидела пластиковую пальму и начала отрывать от неё лист.

— Не трогай, — сказала мать, не глядя.

Девочка продолжила.

— Алина, я сказала.

Алина оторвала лист и спрятала за спину.

— Она сломала пальму, — сказал Илья.

Мать посмотрела на него с усталой ненавистью.

— Это ребёнок.

— Пальма тоже не настоящая.

— Вы хотите, чтобы я заплатила?

— Нет. Я хочу понять, зачем она это сделала.

Девочка высунулась из-за матери.

— Она страшная.

— Справедливо, — сказал Илья.

Мать засмеялась, хотя не собиралась. На секунду её лицо стало нормальным. Не красивым, не правильным — просто живым. Илья успел подумать, что именно в этот момент и стоило бы её фотографировать. Потом лицо снова закрылось.

В пятнадцать двадцать пришёл мужчина с разбитой губой и попросил фотографию на водительское удостоверение. В пятнадцать сорок пожилая пара принесла снимок умершего сына, чтобы убрать с заднего плана чужую руку. В шестнадцать десять женщина в форме железнодорожницы сканиро-

вала диплом, выданный в девяносто восьмом, и всё время повторяла, чтобы Илья не потерял оригинал, хотя диплом лежал у неё перед глазами. К пяти часам он начал чувствовать собственное лицо. Оно затекло от одинакового выражения. Вежливость, если держать её слишком долго, тоже становилась мышечной судорогой. Лена больше не звонила. Написала сообщение:

«Надо решить по квартире. И коробки твои у меня. Не исчезай, пожалуйста». Он прочитал и не ответил.

Фраза «не исчезай» показалась ему наглой. Он никуда не исчезал. Каждый день приходил к десяти, включал свет, протирал объектив, проверял остатки бумаги, фотографировал чужие лица, вечером покупал еду, которую можно разогреть в одной тарелке. По субботам ехал в квартиру отца, открывал окна, хотя на улице было холодно, и стоял посреди комнаты, не понимая, с чего начинают разбирать жизнь умершего человека. Потом закрывал окна и уезжал.

Исчезают иначе. Эффектно. Оставляют письмо, пустую квартиру, долги, женщину с вопросами. Илья просто старался не занимать много места.

На жёстком диске ноутбука лежал роман, начатый семь лет назад. Файл назывался «Новый роман окончательный 4». До него существовали «Новый роман», «Новый роман 2», «Новый роман точно» и «Новый роман точно новый». Во всех было тридцать восемь страниц. Иногда менялось имя героя. В первой версии его звали Андрей, во второй Кирилл,

в четвёртой Илья решил не выпендриваться и назвал Максимом. Отец однажды спросил:

— Ты его вообще закончишь?

— Закончу.

— Когда?

— Когда будет готов.

— У тебя холодильник десять лет гудит и всё ещё не готов сломаться.

Отец смеялся после этой фразы. Кажется, смеялся. Илья помнил, как у него поднимались плечи, как он запрокидывал голову, но сам звук всплывал плохо. Это раздражало. Три недели назад он ещё был уверен, что может восстановить голос отца до каждой хрипотцы. Теперь память уже экономила на деталях.

Он открыл галерею телефона и нашёл последнюю фотографию. Отец сидел на кухне в майке, держал кружку и смотрел в сторону. Снимок был сделан случайно, когда Илья проверял камеру после обновления. Фокус ушёл на сахарницу. Отец получился мягким, почти прозрачным, а сахарница — чёткой, белой, бессмертной. Илья приблизил лицо двумя пальцами. Изображение распалось на квадраты.

— Илья Алексеевич, вы работаете или наследство делите?

Тамара Викторовна стояла возле его стола с папкой.

— Работаю.

— Тогда примите женщину.

Возле входа ждала старуха. Не пожилая женщина, не да-

ма в возрасте, а именно старуха — маленькая, сухая, в коричневом пальто и фиолетовом платке. Она держала в руках старый паспорт с протёртой обложкой.

— Мне менять, — сказала она.

— Садитесь.

Она медленно сняла пальто, аккуратно сложила его на соседнем стуле и осталась в сером шерстяном жакете. На груди была маленькая брошь в виде птицы. Илья опустил стул почти до конца, но старуха всё равно не доставала ногами до пола.

— Очки нужно снять.

— Я без них ничего не вижу.

— Смотреть надо прямо в объектив. Видеть там нечего.

Она сняла очки. Глаза сразу стали меньше и беззащитнее. Илья поправил лампу.

— Голову прямо.

— Так?

— Чуть левее.

— Куда левее?

— В мою сторону.

Старуха повернула голову к нему.

— Нет, глазами на камеру.

— Я же говорю, не вижу.

— Смотрите примерно сюда.

Он поднял руку возле объектива.

— Рот закрыть?

— Да.

Она закрыла рот и втянула щёки.

— Не напрягайтесь.

— Я не напрягаюсь.

— Тогда просто дышите.

— А когда фотографировать будете?

— Сейчас.

Вспышка осветила её лицо. Старуха вздрогнула. Илья сделал второй кадр. На мониторе появилось маленькое лицо с тонкими губами, белыми бровями и тяжёлыми складками возле рта. Лицо человека, которого жизнь долго складывала, убирала в карман, снова доставала и разглаживала ладонью.

— Подойдите, посмотрите.

Старуха надела очки, слезла со стула и приблизилась к экрану. Смотрела долго. Дольше обычного. Не спрашивала про морщины, подбородок, цвет кожи. Просто смотрела.

— Это не я, — сказала она.

Илья устал. У него болела поясница, во рту стоял вкус холодного кофе, телефон снова завибрировал от сообщения Лены. Принтер моргал красным огоньком, требуя заменить картридж. Из подсобки Коля ругался с коробкой бумаги. Тамара Викторовна кому-то объясняла, что срочно — это в течение часа, а не пока человек стоит над душой.

— К сожалению, вы, — сказал Илья.

Старуха не обиделась. Она посмотрела на фотографию ещё раз, потом на него.

— Нет, молодой человек. Я не в том смысле.

— А в каком?

Она сняла очки и протёрла их краем жакета.

— Я внутри себя совсем другая.

Илья хотел ответить, что все внутри себя другие. Красивее, моложе, смелее. Внутри себя люди пишут книги, уходят от нелюбимых, не боятся звонков, вовремя приезжают к отцам в больницу и всегда находят правильные слова возле гроба. Потом садятся перед камерой, и от всего этого остаются только уши, глаза, нос, подбородок и нейтральный фон. Но он ничего не сказал. Старуха снова надела очки.

— Печатайте, — попросила она. — Какая есть.

Илья отправил снимок на принтер. За его спиной серый фон едва заметно качнулся, хотя окна были закрыты и никто к нему не прикасался. Он обернулся. Фон уже висел неподвижно. Только в нижнем углу, возле самого пола, проступило тёмное влажное пятно. Оно медленно расползалось по ткани, как изображение на старой фотобумаге.

Глава 2. За серым фоном

Пятно росло медленно и нагло. Оно не текло, не капало, не давало себя поймать за работой. Просто в шесть вечера занимало угол размером с ладонь, а к закрытию добралось до колена старухи, оставшейся на экране рабочего компьютера. Илья печатал её фотографии, пока за спиной темнела ткань. Старуха сидела на пластиковом стуле, сложив пальто на коленях, и рассматривала рекламную стойку с образцами. На стойке улыбались люди, которых в «Точном кадре» никогда не фотографировали: мужчина с правильной челюстью, девушка без пор на лице, ребёнок с таким чистым взглядом, будто ему ещё не показывали телефон.

Принтер выплюнул лист. Илья подождал несколько секунд, чтобы краска схватилась, положил фотографию под резак и нажал на тяжёлую рукоять. Лезвие опустилось с сытым металлическим звуком.

— Четыре штуки, — сказал он.

Старуха надела очки, взяла снимки и стала перебирать их, хотя все четыре были одинаковыми.

— Здесь я тоже не я.

— Они из одного кадра.

— Я вижу.

Она выбрала фотографию, где левый край был срезан на полмиллиметра уже, чем остальные, и убрала в паспорт.

— Эту возьму.

— Остальные тоже ваши.

— Пусть полежат.

Она расплатилась мелочью. Монеты выкладывала на стойку по одной: десять рублей, ещё десять, пять, два, два, один. Не от бедности — скорее из упрямства человека, который не доверяет ни картам, ни кассирам, ни миру, способному однажды объявить его лицо недействительным. У двери старуха остановилась.

— А вы давно людей снимаете?

— Одиннадцать лет.

— И не надоело?

— Уже поздно спрашивать.

Она кивнула, будто поняла больше, чем он сказал, и ушла. Колокольчик над дверью звякнул, хотя никакого колокольчика там не было. Просто разболтался доводчик и при каждом открывании бил металлическим язычком о раму. Илья обернулся к фону. Пятно поднялось ещё сантиметров на десять. Теперь оно было похоже на тень человека, который сидел с другой стороны ткани и медленно вставал.

— Тамара Викторовна.

Начальница не ответила. Она считала кассу в подсобке и разговаривала сама с собой: двести, четыреста, господи, опять не сходится, шестьсот, кто принял наличные без чека, восемьсот.

— Тамара Викторовна.

— Если вы опять про картридж, он заказан.

— У нас стена течёт.

— Стена не может течь.

— Тогда течёт воздух рядом с ней.

Тамара Викторовна вышла с пачкой купюр в одной руке и калькулятором в другой. На лбу у неё отпечаталась красная полоска от очков.

— Где?

Илья показал. Она подошла к фону, потрогала мокрый край двумя пальцами, растёрла влагу. Понюхала. Тамара Викторовна нюхала всё подозрительное: воду из кулера, новые картриджи, чеки, которые выцветали слишком быстро. Однажды понюхала клиента, когда тот утверждал, что не пил.

— Труба, — сказала она.

— Смелое заключение.

— А вы что думаете? Мертвец заплакал?

— Здесь нет труб.

— Везде есть трубы.

Она задрала голову. Потолок над фоном был сухим. На стене выше пятна не было ни разводов, ни трещин. Вода появлялась снизу, как будто здание начинало тонуть с первого этажа.

Коля вылез из подсобки с коробкой бумаги. Ему было двадцать три, но выглядел он на любой возраст от шестнадцати до тридцати пяти в зависимости от того, выспался ли. Сего-

дня не выспался. Волосы торчали в разные стороны, на футболке было написано «НЕ СЕГОДНЯ», и Тамара Викторовна каждый раз воспринимала надпись лично.

— Что случилось?

— Потоп, — сказал Илья.

Коля поставил коробку на пол.

— Сверху?

— Снизу.

— Так не бывает.

— Спасибо. Теперь воды станет стыдно.

Тамара Викторовна дёрнула фон за край. Ткань была натянута на широкой металлической конструкции, которую десять лет назад собрали прямо в помещении. Два вертикальных профиля крепились к стене, между ними уходил вверх рулон. Спереди стоял стул, лампы и камера на штативе. За конструкцию никто не заглядывал. Там скапливались пыль, потерянные заколки и прошлое предприятия.

— Надо отодвинуть, — сказала она.

— Она прикручена.

— Открутить.

— Сейчас семь часов.

— В пятницу проверка.

Фраза работала у неё как универсальный ключ. Проверка объясняла, почему надо вымыть пластиковую пальму, переписать журнал огнетушителей, найти договор на вывоз мусора и снять со стены календарь с голой женщиной, который

Коля повесил в подсобке якобы в эстетических целях.

— Завтра сантехника вызовем, — сказал Илья.

— Завтра вода дойдёт до розетки. Потом комиссия найдёт обгоревшие трупы, и на телевидении скажут, что руководство не обеспечило безопасность.

— Руководство обеспечило дешёвый удлинитель.

— Не язвите. Коля, инструменты.

— Какие?

— Нормальные.

Коля принёс из подсобки пакет, в котором лежали молоток, две отвёртки, плоскогубцы, рулетка, канцелярский нож и ключ от велосипеда. Молоток был с треснувшей ручкой. Одну отвёртку кто-то использовал как зубило, и её конец расплющился. Инструменты в центре существовали по тому же принципу, что и аптечка: никто не знал, откуда они взялись, но выбросить боялись. Илья отключил лампы, выдернул вилки из удлинителя и снял камеру со штатива. Камера была хорошая, японская, купленная ещё до того, как Тамара Викторовна решила экономить на всём, кроме собственных волос. Илья поставил её на рабочий стол и накрыл чистым полотенцем.

— Осторожнее с фоном, — сказал он. — Если перекосим вал, новый не купят.

— Купим, — ответила Тамара Викторовна.

— Мы полгода просим новый степлер.

— Степлер работает.

— Если бить им по столу.

— Значит, работает.

Коля залез за конструкцию, подсвечивая телефоном. Сначала были видны только его ноги и надпись на спине футболки: «И ЗАВТРА ТОЖЕ». Потом он чихнул.

— Тут пыли как в гробнице.

— Не дыши, — посоветовала Тамара Викторовна.

— Надолго?

— Пока не закончишь.

Он нашёл крепёж. Болты заржавели и не поддавались. Илья держал конструкцию, Коля крутил плоскогубцами, Тамара Викторовна руководила из безопасного места.

— Против часовой.

— Я знаю.

— Не похоже.

— Он проворачивается.

— Прижми сильнее.

— Я прижал.

— Сильнее, чем сильнее.

— Тамара Викторовна, — сказал Илья, — вы можете либо помочь, либо продолжать быть начальником.

Она посмотрела на него.

— Я и помогаю.

Первый болт сорвался внезапно. Коля ударился локтем о стену и выругался. Тамара Викторовна сказала, что в рабочем помещении такие слова недопустимы, хотя сама упо-

требляла их, когда программа налоговой не принимала пароль.

Второй болт пришлось срезать. Канцелярский нож не помог, молоток тоже. Коля сбегал в мастерскую по ремонту телефонов и вернулся с маленькой ножовкой. Мастер Арсен шёл следом. Он был худой, с бородой и руками человека, который всю жизнь разбирает вещи, купленные дороже его месячной зарплаты.

— Что ломаем? — спросил он.

— Стену, — сказал Коля.

— Труба, — сказала Тамара Викторовна.

Арсен посмотрел на пятно.

— Не труба.

— Почему?

— Здесь труба не идёт.

— Откуда вы знаете?

— Я этот дом знаю.

— Вы телефоны чините.

— А дом телефоны держит.

Тамара Викторовна не стала спорить, потому что ей нужен был человек с ножовкой. Вчетвером они сняли правый профиль. За ним обнаружилась узкая полоса стены, покрытая серой плесенью. Илья ожидал запаха сырости, но пахло иначе — старой фотобумагой, пылью и чем-то металлическим. Так пахли монеты, если долго держать их в ладони.

— Маски надо, — сказал Арсен. — Грибок.

— Какой ещё грибок? — спросила Тамара Викторовна.

— Плесень.

— Я вижу, что плесень. Грибок какой?

Арсен пожал плечами.

— Злой.

Они открутили левый профиль и потянули всю конструкцию на себя. Металл скребнул по полу. Рулон качнулся, серое полотно провисло и накрыло Колю с головой.

— Держите! — крикнул он из ткани.

— Что держать? — спросила Тамара Викторовна.

— Меня хотя бы.

Илья поймал стойку. Арсен подхватил вал. Вместе они оттащили фон почти на метр от стены. За ним не оказалось трубы. Там была дверь.

Сначала Илья увидел вертикальную щель, потом ручку. Дверь была узкая, деревянная, выкрашенная той же серой краской, что и стена. Её не просто закрыли фоном — её замазали по краям, превратили в часть поверхности, а сверху закрепили металлические профили. Нижняя половина потемнела от влаги. Пятно на ткани совпадало с дверью точно, будто сырость прошла сквозь дерево и оставила отпечаток. Все замолчали.

Молчание длилось недолго. Тамара Викторовна не любила вещей, которых не было в её документах.

— Что это?

— Дверь, — сказал Коля.

— Я вижу.

— Вы спрашивали.

Она обернулась к Илье.

— Вы знали?

— Конечно. Одиннадцать лет прятал здесь запасной выход.

— На плане никакой двери нет.

— А план у вас с какого года?

— Нормальный план.

Она ушла в подсобку и вернулась с синей папкой. В папке хранились договор аренды, технический паспорт помещения, акты, копии лицензий и листок с телефоном электрика, который умер шесть лет назад, но Тамара Викторовна продолжала ему звонить при каждой аварии. Она разложила план на стойке. Помещение центра представляло собой вытянутый прямоугольник. Вход со стороны улицы, общий зал, подсобка, туалет. Стена за серым фоном была обозначена толстой чёрной линией. За ней шла лестничная клетка соседнего подъезда.

— Тут стена, — сказала Тамара Викторовна.

Коля постучал костяшками по двери. Звук был глухой, но за ним существовала пустота.

— Не очень.

Арсен подсветил края.

— Старая дверь. До ремонта была.

— Куда?

— Туда.

— Очень полезно.

Он взял план, повернул боком, потом вверх ногами.

— Если лестница здесь, то дверь должна выходить под неё.

— Там нет помещения.

— Значит, есть.

— Не бывает помещения, которого нет.

Илья посмотрел на неё.

— Сегодня у нас день открытий.

Тамара Викторовна провела пальцем по замазанному косяку. Краска осыпалась. Под серым слоем показалась тёмно-зелёная эмаль.

— Это самовольная перепланировка, — сказала она. — За такое штраф.

— Мы её не делали.

— Докажите.

— Дверь старше нас всех.

— Комиссии всё равно. Они увидят — напишут.

Её мысли двигались быстро и всегда в сторону наказания. Не любопытство, не страх, не вопрос, кто и зачем замуровал дверь. Сначала штраф, акт, ответственность, бумага. Государство воспитало в Тамаре Викторовне хорошего гражданина: при виде тайны она искала не разгадку, а виновного. Коля попробовал ручку. Та не повернулась.

— Закрыто.

— Не трогай, — сказала она.

Он снова дёрнул.

— Я сказала не трогай.

— Уже потрогал.

— Тогда перестань.

Арсен присел, рассматривая замок. Замочная скважина была старой, вытянутой, под большой бородчатый ключ.

— Можно открыть.

— Не надо, — сказала Тамара Викторовна слишком быстро.

Все посмотрели на неё.

— Почему?

— Потому что чужое помещение.

— Оно внутри нашего, — сказал Илья.

— За нашей стеной.

— Перед лестницей.

— Не умничайте географически.

Она закрыла папку и прижала к груди.

— Сейчас ставим фон обратно. Завтра звоню собственнику здания. Пусть приходит с техником, составляет акт и объясняет, что это.

— А вода? — спросил Илья.

Тамара Викторовна посмотрела на мокрую дверь.

— Высохнет.

— Она уже одиннадцать лет сохнет.

— До пятницы высохнет.

— А если там трубу прорвало?

— Арсен сказал, не труба.

Арсен поднял обе руки, не желая участвовать.

— Я сказал, здесь труба не идёт. Что там — не знаю.

Из-за двери донёсся тихий звук. Не стук. Не шаг. Скорее щелчок старого выключателя. Коля отступил.

— Там кто-то есть.

— Мышь, — сказала Тамара Викторовна.

— Мыши свет включают?

— Ты видел свет?

— Нет.

— Значит, не включают.

Они прислушались. За дверью было тихо. С улицы доносились машины, в аптеке звякала касса, где-то наверху ребёнок бросил на пол тяжёлую игрушку. Обычное здание продолжало жить вокруг двери, не замечая, что в его плане появилась ошибка. Илья подошёл ближе. От мокрого дерева шёл холод. Не сквозняк — именно холод, как от холодильника, который открыли и забыли закрыть.

Он приложил ладонь к двери. С той стороны что-то коротко зажужжало. Так работал старый мотор протяжки фотоплёнки. Илья отдёрнул руку.

— Слышали?

Арсен кивнул. Коля тоже. Тамара Викторовна сделала лицо человека, который ничего не слышал из административных соображений.

— Закрываем, — сказала она.

— Там может быть оборудование.

— Чьё?

— Вот и узнаем.

— Завтра.

— Почему завтра?

— Потому что рабочий день закончен.

Тамара Викторовна верила в расписание сильнее, чем в загробную жизнь. Если бы покойник явился в семь вечера, она попросила бы его прийти после десяти и взять талон. Они стали возвращать конструкцию на место. Фон не вставал ровно. Один профиль выгнулся, крепление сорвалось, рулон перекосило. Серое полотно теперь висело складкой, и фотографировать на нём было нельзя.

— Прекрасно, — сказала Тамара Викторовна. — Просто прекрасно.

— Зато дверь снова спрячем, — сказал Коля.

— Ты завтра придёшь в девять и всё исправишь.

— Я работаю с десяти.

— Завтра с девяти.

— А уйду?

— Когда исправишь.

Арсен забрал ножовку и ушёл в мастерскую, не прощаясь. Люди, которых втягивали в чужие проблемы бесплатно, имели право на это. Тамара Викторовна закрыла кассу, проверила окна и трижды подёргала входную дверь. Потом сня-

ла ключи с пояса и заперла подсобку, хотя брать там было нечего, кроме бумаги, дешёвого кофе и календаря.

— Илья Алексеевич, вы последний?

— Допечатаю заказ.

— Пять минут.

— Десять.

— Семь.

— Хорошо.

Она надела пальто.

— К двери не подходить.

— Почему вы думаете, что я подойду?

— Потому что вы делаете вид, будто вам всё безразлично. Такие всегда лезут первыми.

Илья посмотрел на неё.

— А вы?

— Мне не безразлично. У меня проверка.

Коля ушёл вместе с Тамарой Викторовной. За стеклом мелькнули их фигуры: она маленькая и плотная, он длинный, согнувшийся над телефоном. Они разошлись в разные стороны. Центр опустел.

Илья выключил наружную вывеску. Белые буквы погасли, и стекло превратилось в зеркало. В нём отражались столы, лампы, серый фон, сдвинутый от стены. Дверь была видна только частично — тёмная полоса между тканью и шкафом.

Он сел за компьютер. На экране оставалась фотография старухи. С закрытым ртом, без очков, на нейтральном фоне.

Лицо, которое она не признала своим. Телефон лежал рядом. От Лены пришло ещё одно сообщение:

«Я завтра буду у твоего отца в семь. Приезжай. Одной мне неловко разбирать его вещи». Илья перечитал дважды. Его задело «у твоего отца». Не «в квартире», не «там». Будто отец всё ещё владел помещением и мог войти, увидеть Лену у шкафа, Илью с коробкой, спросить, почему они трогают его рубашки.

Он напечатал: «Не смогу». Стер. Напечатал: «Буду». Стер тоже.

Позвонил принтер. Не буквально — издал короткий электронный писк, требуя убрать готовый лист. Илья достал фотографии, проверил. Мужчина с разбитой губой смотрел с четырёх маленьких прямоугольников одинаково виновато. В семь двадцать Илья выключил компьютер.

В центре стало тише, чем должно быть. Обычно техника продолжала шуметь после работы: остывал ламинатор, щёлкал пластик, вентилятор компьютера крутился ещё несколько секунд. Теперь тишина была полной. Потом за серым фоном снова сработал мотор. Ж-ж-жик. Пауза. Щелчок.

Илья стоял возле стола и чувствовал, как воротник рубашки прилип к шее. Можно было уйти. Закрыть дверь, утром выслушать Тамару Викторовну, вызвать собственника. Пришёл бы мужчина в куртке с логотипом управляющей компании, постучал по стене, сказал, что объект старый и нужны документы. Через неделю дверь заложили бы пеноблоками.

Через месяц перед ней снова фотографировали бы людей. Подбородок ниже. Рот закрыть. Смотрим прямо.

Он подошёл к фону. Отодвинул ткань. Дверь казалась темнее, чем десять минут назад. Влага на ней почти высохла, но на полу не осталось ни лужи, ни капель. Только тонкий белёсый след возле порога.

Илья взялся за ручку. Дёрнул. Заперто. На связке Тамары Викторовны хранились ключи от входа, подсобки, туалета, электрощита и старого денежного ящика. У Ильи был только входной. К замку двери он не подходил.

Он обыскал ящики стола. Канцелярия, скрепки, батарейки, старые флешки, запасные лезвия для резака. В нижнем ящике лежали невостребованные фотографии. Люди забывали их годами: мужчина на охотничий билет, девочка на школьную карту, женщина с повязкой после операции, близнецы, которых Илья не смог различить и подписал карандашом на обороте. Ключа не было.

В подсобке замок оказался слабее. Илья вставил пластиковую карту между дверью и косяком, нажал. Язычок отступил. Тамара Викторовна запирала комнату шестнадцать лет, не подозревая, что весь её порядок держится на карте постоянного покупателя аптеки. Он включил свет.

Коробки бумаги стояли вдоль стены. На полке — папки, чайник, кружки. Под столом — пакет с новогодней мишурой. Над столом голая женщина с календаря прикрывала грудь гаечным ключом. Эстетические цели Коли оставались

неясными.

Илья начал с металлического шкафа. Внутри были старые договоры, кассовые ленты, печати закрывшихся организаций. На нижней полке стояла жестяная коробка из-под печенья. В ней хранились ключи.

Тамара Викторовна ничего не выбрасывала. Ключи были разные: плоские, круглые, ржавые, с пластиковыми головками, с бумажными бирками, надписи на которых давно стёрлись. Некоторые открывали замки, которых не существовало. Возможно, среди них был ключ от двери, которой не было на плане. Илья высыпал коробку на стол.

Первый ключ не вошёл. Второй вошёл наполовину. Третий провернулся слишком свободно. Четвёртый застрял, и Илья едва вытащил его плоскогубцами. Он уже собирался прекратить, когда увидел на дне коробки длинный тёмный ключ с овальной бородкой. К нему была привязана выцветшая картонка. На ней проступали три буквы, написанные чернилами: «ФОТ».

Илья принёс ключ к двери. Тот вошёл сразу. Замок не сопротивлялся. Внутри мягко сдвинулся тяжёлый механизм. Илья повернул ключ один раз, затем второй. Дверь будто выдохнула и отошла от косяка на несколько сантиметров.

Из щели пахнуло холодом, пылью и химикатами. Запах был старый, знакомый по лаборатории фотокружка, куда отец водил его в детстве: проявитель, фиксаж, мокрый картон. Илья включил фонарик на телефоне и толкнул дверь. За

ней начинался коридор.

Не ниша под лестницей, не технический шкаф. Настоящий узкий коридор уходил в темноту метров на десять, хотя по плану там не могло поместиться и двух. Стены были выкрашены тёмно-зелёной масляной краской. Под потолком тянулся провод в тканевой оплётке. На полу лежала плитка, чёрная и белая, шахматными квадратами. Илья сделал шаг.

Телефон осветил старые рамки на стенах. В них ничего не было — только пожелтевший картон и отпечатки прямоугольников, где когда-то висели фотографии. За спиной центр выглядел слишком ярким и новым. Мониторы, пластиковая пальма, рекламная стойка, коробки фотобумаги. Впереди стояла темнота, сделанная из дерева, эмали и чужого времени. Илья пошёл.

Коридор закончился ещё одной дверью. Над ней висела небольшая вывеска. Золотые буквы почти стёрлись, но прочитать можно было:

ФОТОАТЕЛЬЕ «МЕЧТА»

Ниже, на отдельной деревянной планке:

Снимаем жизнь такой, какой она могла бы быть.

Илья поднял телефон выше. За матовым стеклом двери вспыхнул свет. Кто-то внутри нажал на спуск. Щёлкнул фотоаппарат.

Глава 3. Фотоателье «Мечта»

Илья не вошёл сразу. Человек, одиннадцать лет говоривший другим не двигаться, умел стоять неподвижно. Профессиональная привычка. Он держал телефон перед собой, смотрел на матовое стекло и ждал, что за дверью покажется тень, рука, лицо, хотя бы голова человека, который только что нажал на спуск. Ничего. Свет за стеклом горел ровно, желтовато. Так светят старые лампы в подъездах, где никто не меняет плафон, потому что все привыкли к мёртвым мухам внутри.

— Есть кто-нибудь? — спросил Илья.

Голос ушёл за дверь и не вернулся. Он толкнул её костяшками пальцев. Дверь открылась.

Помещение за ней было большим. Не огромным, но достаточно большим, чтобы окончательно испортить технический план Тамары Викторовны. От стены «Точного кадра» до лестничной клетки оставалось метра полтора. Здесь помещались съёмочный зал, стойка, два шкафа, диван, ширмы и ещё дверь в дальней стене. Пространство вело себя неприлично. Занимало место, которого ему не выделяли. Первым Илья увидел фотоаппарат.

Он стоял в центре зала на деревянной треноге. Чёрный корпус гармошкой вытягивался вперёд, латунный объектив смотрел прямо на дверь. Сзади висела тёмная ткань. Такие

камеры Илья видел в музеях, на фотографиях и однажды у коллекционера, которому восстанавливал снимки. Коллекционер не позволял даже дышать рядом с аппаратом и называл его «машиной времени» с тем выражением, с каким мужчины после пятидесяти называют всё, что купили без согласия жены. Этот аппарат выглядел рабочим.

Не отреставрированным, не выставочным. На ручках были свежие потёртости. На латунном ободе остался отпечаток пальца. Под треногой лежал тонкий чёрный провод, уходивший в пол, хотя ни одной розетки рядом не было. Илья направил телефон на зал. Слева тянулась стойка из тёмного дерева. На ней стояли кассовый аппарат с круглыми клавишами, настольная лампа под зелёным стеклом и подставка для визитных карточек. Карточки пожелтели, но буквы сохранились:

ФОТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ «МЕЧТА»

ПОРТРЕТЫ. СЕМЕЙНЫЕ ГРУППЫ. СНИМКИ ДЛЯ ДОКУМЕНТОВ.

Ни адреса, ни телефона. На стене за стойкой висел прейскурант.

ПОРТРЕТ ПОГРУДНЫЙ — 3 РУБ.

ПОРТРЕТ В ПОЛНЫЙ РОСТ — 5 РУБ.

СЕМЕЙНАЯ ГРУППА — ПО СОГЛАШЕНИЮ.

СНИМОК ЖЕЛАЕМОГО — ЦЕНА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПОСЛЕ ПРОЯВКИ.

Последняя строка была написана другим почерком. Не краской, а чёрными чернилами прямо поверх лака. Буквы расплылись, будто дерево долго оставалось влажным. Илья подошёл ближе.

— Очень смешно, — сказал он неизвестно кому.

Ему не ответили. Справа стояли декорации. Плетёное кресло с высокой спинкой, колонна из гипса, тяжёлая портьера, деревянный заборчик, искусственная берёза в кадке. За ними были свёрнуты фоны: облака, библиотека, морской берег, гостиная с камином. Илья посветил на один. На ткани висел нарисованный балкон, за которым начиналась Венеция. Вода в канале была синее, чем мог позволить себе любой настоящий канал.

На полу лежала метка для ног — две белые полоски под прямым углом. Илья машинально встал на неё. Объектив оказался ровно напротив лица. Он отошёл.

Свет исходил от двух больших ламп в металлических чашах. Одна была старой, на высокой стойке с колёсиками. Вторая — современной, почти такой же, как в их центре, только без маркировки. Между ними висел маленький зонт для рассеивания света, сделанный из пожелтевшего шёлка. Всё здесь не совпадало по времени.

Кассовый аппарат мог стоять в лавке до революции. Лам-

па была из шестидесятых. На стойке лежал кабель с разъёмом, который появился лет двадцать назад. Рядом — стеклянные пластины, рулонная плёнка, пачка фотобумаги с маркировкой, которую Илья не видел даже в интернете. На металлическом зажиме висела одноразовая салфетка для объектива. Белая, чистая. Илья взял её двумя пальцами.

Салфетка пахла спиртом. Он положил обратно. За спиной щёлкнуло. Илья резко обернулся. Фотоаппарат стоял неподвижно. Только на его боку медленно возвращался в исходное положение маленький рычаг.

— Прекрати, — сказал Илья.

Говорить с техникой было глупо, но безопаснее, чем признать, что больше обращаться не к кому. Он обошёл камеру. На задней стенке крепилась кассета под фотопластину. Илья попробовал вытащить её, но она не поддалась. Сбоку находилась латунная табличка. Он протёр её рукавом. Надпись была короткой:

МОДЕЛЬ: Ж-7

Ни производителя, ни номера. Под табличкой кто-то нацарапал ножом:

НЕ СПРАШИВАЙТЕ ЧЕЛОВЕКА, ЧЕГО ОН ХОЧЕТ.

Илья провёл пальцем по буквам.

— Потому что он соврёт?

Из дальней комнаты ответил капающий кран. Дверь туда была приоткрыта. Над ней горела красная лампа. Проявоч-

ная.

Илья прошёл мимо камеры, стараясь не поворачиваться к объективу спиной. Нелепо. Объектив ничего не видел. Стекло не смотрит. Камера не ждёт. Предметы вообще ведут себя приличнее людей, пока человек не начинает приписывать им намерения.

В проявочной было теснее. По одной стене тянулся стол с тремя ваннами. Над ними висели щипцы, мерные стаканы и термометр. На полке стояли бутылки из тёмного стекла. Часть подписей выцвела. На одной сохранилось «МЕТОЛ», на другой — «ГИДРОХИНОН», на третьей не было ничего. Илья открыл кран.

Вода пошла сразу. Холодная, прозрачная. Он закрыл. Слив не булькал. Запаха канализации не было. Это означало, что трубы здесь существовали, хотя Арсен утверждал обратное и план делал вид, что помещения нет.

В дальней стене располагался шкаф с узкими выдвижными ящиками. На каждом — латунная рамка для карточки. Карточки отсутствовали. Илья потянул первый ящик. Пусто. Второй тоже. В третьем лежал конверт.

Плотный, чёрный, без подписи. Илья достал его, раскрыл. Внутри была фотография. Сначала он решил, что снимок испорчен. На сером фоне стоял деревянный стул. Пустой. Свет падал слева, на полу лежала тень человека, но самого человека в кадре не было.

Илья поднёс фотографию ближе. Тень принадлежала

мужчине. Видны были голова, плечи, одна рука. Судя по положению, человек сидел на стуле. Стул оставался пустым. Он перевернул фотографию. На обороте синими чернилами было написано:

ПРИШЁЛ СЛИШКОМ ПОЗДНО.

Илья вернул снимок в конверт. Под ним лежал второй. Женщина в свадебном платье стояла возле окна. Лица не было. Не размыто, не зачёркнуто — просто гладкая светлая кожа от волос до подбородка. В руках женщина держала букет, каждый цветок был резким и подробным. На обороте:

ХОТЕЛА, ЧТОБЫ ЕЁ НИКТО НЕ УЗНАЛ.

Третий снимок Илья смотреть не стал. Задвинул ящик сильнее, чем требовалось. Дерево ударилось о корпус. Красная лампа над ванной мигнула. На полке дрогнула жидкость в мерном стакане. Илья вышел из проявочной. В зале зажёгся ещё один светильник.

Теперь было видно дальнюю часть помещения. На стенах висели портреты. Мужчины в мундирах, женщины в платьях, дети на деревянных лошадках, семьи возле искусственных колонн. Потом снимки становились новее: девушка с причёской шестидесятых, солдат в пилотке, молодожёны возле ковра, мальчик в школьной форме, женщина в кожаной куртке, мужчина с телефоном в руке. Последняя рамка была пустой. Под ней висела маленькая металлическая табличка:

СЛЕДУЮЩИЙ.

Илья почувствовал, как вспотела ладонь, в которой он держал телефон. Он подошёл к стойке и начал искать выключатель. Нашёл два. Щёлкнул первым — погасла лампа под зелёным стеклом. Вторым — ничего не произошло. Большие студийные лампы продолжали гореть.

На стене возле двери висела коробка с пробками. Илья открыл крышку. Внутри были современные автоматы. Все опущены вниз. Электричество было отключено. Он поднял один автомат. Ничего.

Опустил. Лампы горели. Илья посмотрел на телефон. Восемь процентов заряда. Время — 19:44.

Он сделал несколько снимков помещения. Камеру, вывеску, прейскурант, проявочную. На экране всё выглядело нормально. Никаких теней, лиц в зеркале, белых пятен. Обычная заброшенная фотостудия, которую кто-то очень старательно сохранил. Он снял общий план ещё раз. Телефон отказался сохранять изображение.

«Недостаточно памяти».

— Врёшь.

Свободного места оставалось больше двадцати гигабайт. Илья удалил старый видеоролик. Снова навёл камеру. Экран стал белым. Не пересвеченным. Совершенно белым, будто объектив закрыли листом бумаги.

Он опустил телефон. Зал был перед ним. Поднял. Белый экран. Навёл на собственную руку — рука появилась. На дверь — дверь появилась. На старую камеру — белое поле.

Илья выключил приложение. В этот момент в коридоре за его спиной хлопнула дверь. Свет «Точного кадра» исчез. Илья быстро пересёк зал, дёрнул внутреннюю дверь. Она открылась. Коридор оставался на месте. В конце было темно.

Он прошёл его почти бегом, ударился плечом о стену и вывалился в центр. Наружный свет был выключен, потому что он сам его выключил. В витрине отражалась улица. По стеклу ползли фары машин. Всё выглядело обычным, дешёвым и прекрасным. Серая ткань висела перед открытой дверью. Илья закрыл её, повернул длинный ключ и убрал в карман.

Только потом заметил, что в руке держит визитную карточку фотоателье. Он не помнил, как взял её со стойки. На обороте проступила свежая строка. Чернила ещё блестели.

ЗАВТРА, 19:30. НЕ ОПАЗДЫВАЙТЕ.

Илья сунул карточку в карман рядом с ключом, вернул фон к стене как смог и ушёл. На улице он позвонил Лене. Она ответила после второго гудка.

— Наконец-то.

— Ты завтра будешь в квартире?

— Я же написала. В семь.

— Давай в другой день.

— Почему?

Илья посмотрел на часы в витрине аптеки. Электронные цифры показывали 19:51. Семь минут назад он стоял в проявочной. Или двадцать. Или час.

— Работа.

— В восемь вечера?

— Бывает.

— У тебя никогда не бывает.

— Теперь бывает.

Лена молчала. На фоне у неё работал телевизор. Кто-то говорил о погоде в европейской части страны.

— Илья, — сказала она, — я не хочу опять за тобой бегать.

— Не бегай.

— Тогда скажи нормально, что происходит.

— Ничего.

— С тобой всегда ничего. Даже когда человек умирает, у тебя ничего.

Он закрыл глаза.

— Не начинай.

— Я не начинаю. Я десять лет уже не начинаю.

— Завтра не смогу.

— Хорошо.

Она отключилась первой. Илья постоял возле входа. В аптеке за стеклом женщина в белом халате расставляла кремы. В мастерской Арсен закрывал металлическую решётку. Увидев Илью, он кивнул на центр.

— Открыл?

— Нет.

— Правильно.

— Почему правильно?

Арсен пожал плечами.

— Если комнату спрятали, значит, без неё было лучше.

— А если просто ремонт сделали?

— Тогда дверь бы не замазывали.

Он захлопнул замок.

— Что там?

— Старое ателье.

Арсен перестал убирать ключи.

— Фотоателье?

— Да.

— Как называется?

Илья посмотрел на него.

— «Мечта».

Арсен медленно кивнул, будто услышал фамилию знакомого, которого считал умершим.

— Что?

— Ничего.

— Ты знаешь это место?

— Нет.

— Врёшь.

— Я здесь с девяносто девятого. До ремонта там был склад.

— Какой склад?

— Закрытый.

— Чей?

— Закрытый склад, — повторил Арсен. — Люди любят лишние вопросы, пока ответы не начинают касаться их лично.

— Очень содержательно.

— Бесплатно.

Он ушёл. Илья добрался домой к девяти. По дороге купил пельмени, хлеб и две банки пива, хотя пить не собирался. В квартире снял куртку, положил ключ на стол и долго смотрел на него. Ключ выглядел обычным. Ржавчина, царапины, выцветшая бирка. Он достал визитку.

Надпись исчезла. На обороте ничего не было. Илья протёр карточку пальцем. Бумага оставалась сухой. Он включил верхний свет, поднёс к лампе. Пусто.

— Хорошо, — сказал он. — Отлично.

Он сфотографировал визитку. Телефон сохранил изображение без проблем. Пельмени разварились, потому что он забыл про кастрюлю. Несколько лопнули и плавали в мутной воде, выпустив мясо. Илья выловил их ложкой, положил в тарелку, добавил сметану. Ел стоя возле раковины.

В половине одиннадцатого открыл ноутбук и нашёл технический паспорт здания в городском архиве. План совпадал с планом Тамары Викторовны. Стена, лестница, никаких комнат. Он поискал название. «Фотоателье Мечта город». Результатов было слишком много: свадебные студии, детские фотографы, салоны печати, магазин рамок в другом районе. Добавил адрес.

Ничего. Добавил старое название улицы. Один результат. Скан газеты за 1978 год. Страница объявлений. В нижнем углу:

Фотоателье «Мечта» временно не принимает заказы по техническим причинам. За готовыми снимками обращаться в районный комбинат бытового обслуживания.

Ниже стояла дата. Ателье закрылось сорок восемь лет назад.

Илья увеличил объявление. Возле текста была маленькая фотография фасада. Изображение зернистое, но вывеску можно разобрать. Вход со стороны улицы. Два окна. Над дверью — «Мечта».

Он вышел на панорамы и открыл старые фотографии района. Там, где сейчас находились аптека, мастерская и «Точный кадр», раньше стояло отдельное двухэтажное здание с фотоателье на первом этаже. Потом фасад перестроили, помещения объединили, вход заложили. Значит, комната могла существовать. Не могла быть такой большой, но могла существовать. Это успокоило его на несколько минут. Он открыл банку пива.

В 23:17 пришло сообщение от Тамары Викторовны: «Завтра собственник придет в 11. Дверь не трогать. Ключи не брать. Я пересчитала». Через минуту: «Ключ с биркой ФОТ у вас?»

Илья посмотрел на ключ. Написал: «Случайно положил

в карман». Ответ появился сразу: «Утром вернуть». Он поставил банку на стол. Пиво было тёплым и горьким. Вторую открывать не стал.

Ночью ему снилась очередь. Люди сидели вдоль стены, держа фотографии. У каждого вместо лица было белое пятно. Илья вызывал их по фамилиям, но фамилии повторялись. Все назывались одинаково. Утром он проснулся в шесть сорок, хотя будильник стоял на восемь. Ключ лежал под подушкой.

Илья сел. Он точно оставлял его на кухонном столе рядом с ноутбуком. Встал, прошёл на кухню. Визитка лежала там, где он её бросил. На обороте снова появилась надпись:

СЕГОДНЯ, 19:30.

Ниже мелко:

ОДЕЖДА — ЛЮБАЯ. ЛИЦО — СВОЁ.

Илья перевернул карточку. Чернила проступили сквозь бумагу и были видны с лицевой стороны. Он положил её в ящик, сверху придавил пачкой счетов. На работу пришёл в девять сорок. Тамара Викторовна уже ждала возле двери.

— Ключ.

Он отдал. Она пересчитала связку, нашла нужный, сняла бирку «ФОТ» и сунула ключ в карман пальто.

— Собственник будет через час.

— А зачем бирку сняли?

— Чтобы никто не перепутал.

— Теперь как раз перепутают.

— Я знаю, какой он.

Коля восстанавливал фон. Конструкция стояла криво. Серое полотно пошло волной, и любого человека на его фоне можно было принять за пассажира тонущего корабля.

— Это не годится, — сказал Илья.

— Я с девяти делаю.

— Поэтому и не годится.

— Хочешь сам?

— Хочу новый фон.

— Хотеть не запрещено.

Первой клиенткой стала девочка на загранпаспорт. Она плакала ещё до того, как села. Мать держала её за подбородок, отец звенел погремушкой возле объектива, Илья сделал двадцать три кадра. На девятнадцатом ребёнок перестал кричать и посмотрел в камеру с таким презрением, будто понимал назначение документа и уже не одобрял поездку. В одиннадцать пришёл собственник.

Его звали Олег Павлович. Он носил синюю куртку без рукавов поверх пиджака, ботинки с квадратными носами и выражение человека, которому все помещения должны деньги. С ним был техник — молчаливый мужчина с лазерной рулеткой. Тамара Викторовна отвела их за фон.

— Вот.

Олег Павлович посмотрел на серую дверь.

— И что?

— Её нет на плане.

— Раз нет, значит, закрыть.

— Там вода.

Техник присел, потрогал дерево.

— Сухо.

Пятно исчезло. Дверь была совершенно сухой. Даже нижний край, который вчера почернел от влаги, теперь выглядел пыльным и старым.

— Вчера текло, — сказал Илья.

Олег Павлович посмотрел на него.

— Сегодня не течёт.

— Логично.

— Не надо мне тут.

Он попробовал ручку. Заперто.

— Ключ есть?

Тамара Викторовна достала длинный ключ. Он не вошёл в замок. Она повернула его другой стороной. Попробовала ещё раз.

— Не подходит.

Илья взял ключ. Тот действительно не входил. Бородка была другой. Не овальная, а ступенчатая. Ржавчина, бирка снята. Похожий ключ, но не тот.

— Вы подменили? — спросила Тамара Викторовна.

— Когда?

— Не знаю. Ночью.

— Я прихожу к вам ночью менять ключи?

— От вас всего можно ждать.

Олег Павлович постучал по двери.

— Замуровать.

— А посмотреть, что внутри? — спросил Илья.

— Зачем?

— Помещение.

— Моё?

— По документам его нет.

— Тогда ничьё. Ничейное помещение приносит одни проблемы.

Техник измерил стену, записал цифры.

— Завтра ребят пришлю, — сказал собственник. — Пеноблок, раствор. Фон обратно. До проверки успеем.

— Там старое оборудование, — сказал Илья.

— Откуда знаете?

Он не ответил сразу. Тамара Викторовна посмотрела на него.

— Вы открывали.

— Дверь была незаперта.

— Она заперта.

— Вчера была открыта.

— Вы только что сказали, что нашли ключ в кармане.

— Нашёл после того, как открыл.

— Илья Алексеевич, вы сейчас сами слышите, что говорите?

Олег Павлович потерял интерес.

— Всё вынести на мусор. Если антиквариат — можете се-

бе забрать. Только акт подпишите, что претензий нет.

— Когда откроете?

— Завтра.

— Чем?

— Ломом.

Он ушёл вместе с техником. Тамара Викторовна дождалась, пока стеклянная дверь закроется.

— Что там?

— Фотоателье.

— Я слышала. Какое?

— Старое.

— Не издевайтесь.

— Камера. Фоны. Проявочная.

— Деньги?

— Не искал.

— Конечно, не искал.

— Тамара Викторовна, оно больше, чем должно быть.

— Все помещения кажутся больше, когда за них не платишь аренду.

Она подошла ближе.

— Вы туда больше не полезете.

— Завтра всё выбросят.

— И правильно.

— Почему?

— Потому что у меня в пятницу проверка, а у вас после похорон голова работает неизвестно как.

Илья почувствовал, как в груди что-то коротко сжалось. Не боль. Скорее удар изнутри, которому не хватило места.

— При чём здесь похороны?

— При том, что нормальный человек не лазит ночью по замурованным комнатам.

— Нормальный человек у вас фотографии называет «мужик один».

— Не переводите на Колю.

— Я не перевожу.

— Возьмите выходной.

— Не надо.

— Надо. Съездите к отцу в квартиру. Разберите вещи.

— Не ваше дело.

— Моё дело, когда вы приходите сюда и начинаете видеть комнаты.

Она сразу пожалела о последней фразе, но не извинилась. Тамара Викторовна вообще считала извинение формой возврата денег.

— Комната есть, — сказал Илья.

— Хорошо. Есть. Завтра её не будет.

Она ушла к кассе. До вечера Илья фотографировал людей.

Мужчину на разрешение для оружия. Девушку на студенческий. Двух братьев на визы. Женщину, которая просила сделать ей глаза «более открытыми, но естественно». Подростка с прыщом на переносице. Трёхлетнего мальчика, отказавшегося снимать ковбойскую шляпу.

Он работал точно. Подбородок, плечи, взгляд. Проверял размеры. Печатал. Резал. Брал оплату. Отвечал на одни и те же вопросы.

Весь день за серым фоном было тихо. В 18:50 Тамара Викторовна ушла раньше. Ей нужно было в налоговую забрать письмо, которого она боялась уже неделю.

— Закроете, — сказала она. — Без приключений.

— Постараюсь скучно.

— Ключа всё равно нет.

Она похлопала по карману, где лежала связка. Илья дождался, пока уйдёт Коля. Потом закрыл входную дверь изнутри и опустил жалюзи. На часах было 19:12. Он отодвинул фон. Длинный ключ торчал в замке.

Тот самый. С овальной бородкой и выцветшей биркой «ФОТ». Илья вытащил его. Осмотрел. В кармане Тамары Викторовны остался другой ключ. Этот либо вернулся сам, либо никогда не уходил.

— Начинается, — сказал он.

Открыл дверь. Коридор был освещён. Лампы под потолком горели через одну. В конце виднелась вывеска «Мечта». Илья вошёл в зал в 19:26.

Студийные лампы уже были включены. Возле белой метки стоял стул. Вчера его там не было. Обычный деревянный, с прямой спинкой. На стойке лежала карточка.

ИЛЬЯ АЛЕКСЕЕВИЧ СОКОЛОВ.

ПОРТРЕТ.

19:30.

Он посмотрел на часы. 19:28.

— Нет.

Фотоаппарат тихо зажужжал. Илья подошёл к стойке, перевернул карточку. На обороте:

ОПЛАТА ПОСЛЕ ПРОЯВКИ.

— Я ничего не заказывал.

В проявочной зажглась красная лампа. Фотоаппарат щёлкнул пустым затвором. 19:29.

Илья мог уйти. Дверь оставалась открытой. Коридор был свободен. Через минуту он мог стоять в «Точном кадре», выключать компьютер, писать Лене, что приедет. Завтра рабочие сломали бы дверь, вынесли камеру и заложили проход. Вечером он разогрел бы ужин. Через неделю забыл бы детали. Через месяц убедил себя, что лампы имели запасное питание, ключ перепутала Тамара Викторовна, помещение просто неправильно нанесено на план.

Он посмотрел на пустую рамку с табличкой «Следующий». Потом сел на стул. Дерево оказалось тёплым. Илья поставил ноги на белые отметки. Поправил рубашку. Сразу рассердился на себя за это движение и снова помял воротник. В объективе отражалась маленькая точка света.

Из боковой стойки выдвинулся металлический рычаг. Сам. Медленно, с сухим скрежетом. Лампы стали ярче. Илья

поднялся. Ремень на камере натянулся. Где-то внутри заработал механизм.

Он сел обратно. На стойке вспыхнула маленькая красная лампочка. До этого её не было. Илья смотрел в объектив.

Он знал правила хорошего снимка. Спина ровно. Плечи свободно. Подбородок чуть ниже. Глаза прямо. Рот закрыт. Выражение нейтральное.

Но сейчас не получалось нейтрального выражения. Внутри было слишком много лица. Лампа мигнула. Фотоаппарат сработал без электричества.

Глава 4. Снимок, которого не было

Вспышка ударила Илью в глаза, и несколько секунд он видел только белое пятно с красной каймой. Оно висело в темноте, куда бы он ни повернул голову. Так бывало после сотен рабочих снимков, если случайно посмотреть на лампу. Ничего мистического. Сетчатка получила слишком много света и теперь мстила. Фотоаппарат зажужжал.

Илья сидел на тёплом деревянном стуле и слушал, как внутри старого корпуса проворачиваются шестерёнки. Звук был неправильный. Такой аппарат не мог печатать фотографии. В него вставляли пластину или кассету, потом несли материал в проявочную, возились с растворами и температурой, следили за временем. Здесь же что-то щёлкало, тянуло и постукивало, как в дешёвом автомате моментальной печати. Из нижней части камеры показался белый край.

Сначала на сантиметр. Потом ещё. Илья встал. Фотография выползала медленно, без всякого уважения к тому, что происходило. Можно было представить, что камера устала и теперь нехотя высовывает язык. Он не прикоснулся к снимку, пока тот не вышел полностью и не упал на пол изображением вниз. Аппарат замолчал.

Лампы погасли. В фотоателье осталась только зелёная лампа на стойке и красный свет из проявочной. В этом освещении кожа на руках Ильи казалась чужой, серо-красной,

уже снятой с кого-то другого. Он наклонился. Фотография была больше стандартной — примерно двадцать на тридцать, плотная, тяжёлая, без белых полей. Обратная сторона чистая. Ни марки бумаги, ни номера заказа, ни случайного отпечатка пальца.

Илья поднял её за край. На изображении пока ничего не было. Только молочно-серая поверхность, как у фотобумаги, которую рано вынули из раствора. Потом в центре проступило тёмное пятно. Илья подошёл к зелёной лампе.

Пятно медленно распадалось на линии. Сначала появились вертикали: окно, край шкафа, дверной косяк. Потом светлый прямоугольник стены. Тёмный стол. Человеческое плечо. Проявление шло прямо у него в руках.

Он видел это раньше, в детстве, когда отец водил его в фотокружок при Доме культуры. Бумагу опускали в ванночку, и пустота начинала вспоминать, что на ней было. Сначала тени, затем лица, потом мелочи. В этом и заключалась вся дешёвая магия фотографии: человек заранее знал, что изображение существует, но всё равно смотрел, как оно возникает, будто его создавали прямо сейчас. Здесь ванночки не было. Запаха проявителя тоже. На снимке появился мужчина.

Илья узнал себя сразу и не сразу. В первую секунду подумал: похожий человек. Потом увидел левую бровь, которая поднималась выше правой, когда он был доволен собой. Увидел маленький шрам возле виска, оставшийся после школьной драки, в которой он больше кричал, чем дрался. Увидел

руки — свои, длинные, с обкусанной кожей возле большого пальца. Но мужчина на фотографии выглядел лучше.

Не красивее. Так было бы проще. Он выглядел так, будто имел право находиться в комнате, где стоял.

На нём была светлая рубашка с закатанными рукавами. Не новая, не дорогая, просто хорошо сидящая. Волосы чуть длиннее, чем сейчас. Щетина аккуратная, а не вечерняя. На лице усталость человека, который сделал много нужного, а не много одинакового. Илья на снимке стоял возле книжного шкафа. На полках были книги.

Он поднёс фотографию ближе к лампе. На корешках повторялась фамилия:

Соколов.

И ещё раз:

Илья Соколов.

Названий было не разобрать. Только отдельные слова: «ночь», «живые», «время», «никто». Обложки разного цвета, формата, толщины. Не одна случайно изданная книга, которой человек потом мучает всех знакомых, а целая полка. Настоящая писательская полка, почти неприличная. Илья почувствовал, как внутри поднимается тёплая, мерзкая радость. Он оглянулся на пустой зал, будто кто-то мог заметить.

— Дешёво, — сказал он. — Очень дешёво.

На фотографии продолжали появляться детали. Большое окно выходило на город. Этаж высокий, возможно двенадца-

тый или пятнадцатый. Стекло отражало вечернее небо. На подоконнике стояли две чашки, одна с трещиной на ручке. Возле стены — письменный стол, заваленный листами. Не декоративный стол из мебельного каталога, а рабочий: кабели, ручки, кружка с засохшим кофе, раскрытый ноутбук.

На экране ноутбука был текст. Илья приблизил фотографию почти к лицу, но буквы расплывались. Видна только верхняя строка:

Глава 17.

Он усмехнулся. Даже выдуманная версия его жизни знала, что тридцать восемь страниц — это ещё не роман. Справа появилась женщина. Она стояла чуть позади Ильи, обняв его одной рукой за пояс. Лицо было повёрнуто к камере, волосы собраны небрежно, на ней — тёмное платье и тонкая цепочка на шее. Лена.

Не та Лена, которая три недели назад стояла возле крематория в старом сером пальто и говорила про коробки. Эта выглядела старше сегодняшней и моложе их расставания. Такое возможно только на хороших фотографиях и в плохой памяти. Возле глаз появились морщины. Волосы стали короче. Левая рука лежала у него на животе так естественно, будто делала это тысячу раз. На безымянном пальце — кольцо.

Илья долго смотрел на него. Кольцо было простое, серебристое. Никакого камня. Он почему-то сразу понял: Лена выбрала бы именно такое и потом всем рассказывала, что дорогие кольца — мещанство, хотя на самом деле ей просто

нравились простые. Его собственная рука была спрятана за книгой. Кольца не видно.

— Удобно, — сказал он.

Голос прозвучал тихо.

Он хотел найти ошибку. Камера могла собрать изображение из его телефона, социальных сетей, старых фотографий. Лицо Лены — из галереи. Отца — оттуда же. Книги дорисовать. Квартиру взять из рекламы. Сейчас любой школьник на бесплатном сервисе делал изображения, где сидел рядом с президентом, летал на драконе или имел пресс вместо живота.

Но у камеры не было ни экрана, ни сети, ни электричества. И всё равно должен был быть трюк. Трюк всегда существовал. Просто иногда человек недостаточно хорошо понимал устройство. На фотографии проявился третий человек.

Он сидел в глубине комнаты за столом, боком к камере. Перед ним лежала газета. На носу очки. Домашняя клетчатая рубашка, которую Илья узнал по дырке на локте раньше, чем лицо. Отец. Илья перестал дышать.

Изображение ещё не набрало контраст, поэтому отец казался бледным, слегка прозрачным. Но лицо уже было его. С тяжёлыми веками, большим носом и седыми волосами, которые он расчёсывал назад, хотя спереди расчёсывать было почти нечего. На столе стояла синяя кружка с белой надписью «Лучший строитель». Отец никогда не был строителем. Кружку подарили на работе по ошибке, и он пользовался ею

пятнадцать лет, потому что надпись раздражала Илью. Отец на снимке не смотрел в камеру.

Он читал. Живой человек занят своим делом. Самая убедительная подробность.

Если бы камера хотела обмануть Илью красиво, отец стоял бы рядом, положив руку ему на плечо. Улыбался. Гордился. Возможно, держал одну из книг сына. Но он сидел в стороне, в старой рубашке, читал газету и, судя по положению рта, был чем-то недоволен. Так он выглядел почти каждый день своей жизни.

Илья провёл большим пальцем по лицу на фотографии. Бумага была сухая и холодная. Он вспомнил отца в больнице.

Не последнюю ночь — туда память не шла. Предыдущий день. Отец лежал на высокой кровати, укрытый до груди. На тумбочке стояла бутылка воды. Илья принёс апельсины, хотя отец уже почти не ел, и долго перекладывал их из пакета в пластиковую миску, лишь бы не смотреть на его руки.

— Как работа? — спросил отец.

— Нормально.

— Пишешь?

— Когда успеваю.

— Значит, не пишешь.

— Тебе сейчас обязательно?

— А когда ещё?

Илья сказал, что зайдёт завтра. Не зашёл. Позвонили

утром. На фотографии отец был жив и не знал ничего об этой больнице. Возможно, больницы в той жизни вообще не существовало. Возможно, там он умер бы позже, умнее и удобнее для сына. В проявочной капнула вода.

Илья вздрогнул и чуть не выронил снимок. Он положил фотографию на стойку, отступил, посмотрел издалека.

Композиция была слишком правильной. Он и Лена на переднем плане, отец сзади, книги, квартира, вечернее окно. Всё, что Илья когда-то хотел, аккуратно поместилось в один кадр. Даже желания у него оказались стандартными. Успех. Женщина. Живой отец. Хорошая недвижимость.

Ни яхты. Ни Нобелевской премии. Ни голых актрис в ванной. Он мечтал скромно и всё равно ничего не получил. На краю фотографии проступила ещё одна деталь: рамка на стене. В ней висел журнальный портрет Ильи. Под портретом крупный заголовок, который можно было разобрать:

«ГЛАВНЫЙ РУССКИЙ РОМАНИСТ ПОКОЛЕНИЯ»

Илья рассмеялся. Смех получился коротким и неприятным.

— Ну конечно.

Вот оно. Вот где камера переборщила. Не просто писатель. Не просто книги. Обязательно главный. Обычной удачи ему было мало даже в фантазии. Ему требовалось, чтобы остальные знали своё место.

Он наклонился к снимку. В журнальной рамке Илья был

в чёрной водолазке. Он ненавидел водолазки. В них голова выглядела насаженной на туловище.

— Плохая работа, — сказал он камере.

Аппарат молчал. Илья достал телефон и сфотографировал снимок. На экране появилось белое поле. Он попробовал ещё раз, изменив угол. Белое поле. Включил вспышку. Белое поле с ярким пятном.

Он положил фотографию на стол, навёл камеру так, чтобы в кадр вошли лампа, стойка и часть снимка. Всё вокруг отобразилось. На месте фотографии лежал пустой белый прямоугольник. Илья открыл галерею. Три изображения. На каждом — стол и белое пятно.

Он снял видео. На экране фотография снова исчезла, хотя в реальности лежала перед объективом.

— Старый фокус, — сказал он.

Никакого старого фокуса он не знал. Илья взял снимок и направился к выходу. На стойке что-то щёлкнуло. Кассовый аппарат ожил. Круглые клавиши сами опустились одна за другой. Внутри зазвенел механизм. Из узкой щели выползла бумажная лента.

Илья остановился. Аппарат напечатал чек и отрезал его. На бумаге было несколько строк:

ФОТОАТЕЛЬЕ «МЕЧТА»
ПОРТРЕТ ЖЕЛАЕМОГО — 1
ПРОЯВКА — ВЫПОЛНЕНА
К ОПЛАТЕ: НЕ ОПРЕДЕЛЕНО

Ниже:

ПРАВИЛА ПОЛУЧАТЕЛЬ УЗНАЕТ ПОСЛЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.

— Нет.

Илья выдернул чек. Бумага была тёплой.

— Сначала правила.

Кассовый аппарат не ответил. У него был разум продавца: после оплаты претензии не принимаются. Илья смял чек и бросил на стойку. Потом передумал, разгладил и сунул в карман. Пусть будет. У человека должно оставаться доказательство, что он не сошёл с ума бесплатно. Когда он вошёл в коридор, за спиной погасла зелёная лампа.

Дверь фотоателье закрылась сама. Илья не обернулся. В «Точном кадре» часы показывали 19:34. Он достал телефон. На телефоне было 20:11.

Настенные часы отставали или телефон спешил. Илья проверил компьютер. 20:11. На кассовом аппарате — 20:11. Только часы над входом показывали 19:34, и секундная стрелка не двигалась. Он снял их со стены, вынул батарейку, вставил обратно. Стрелка дёрнулась и пошла.

20:12. Илья посмотрел на фотографию. Она не изменилась. Лена обнимала его. Отец читал газету. На полке стояли книги. Он включил рабочий компьютер и запустил сканер.

Старый планшетный «Эпсон» гудел так громко, будто внутри работала стиральная машина. Илья положил снимок изображением вниз, закрыл крышку и нажал «Предпро-

смотр». Лампа двинулась. На мониторе появился серый прямоугольник. Не белый — серый, с шумом, мелкими точками и царапинами, как пустой скан. Он увеличил контраст. Ничего.

Поменял режим с цветного на чёрно-белый. Ничего. Положил рядом обычную фотографию мужчины с разбитой губой и запустил скан снова. Мужчина появился. Рядом с ним — пустое серое место. Илья открыл крышку. Оба снимка лежали рядом.

— Значит, не свет, — сказал он.

Ему стало легче от того, что он произнёс техническую фразу. Техническая фраза всегда делала мир терпимее. Если определить тип неисправности, проблема уже не выглядит проклятием. Она становится заявкой в сервис. Он попробовал копировальный аппарат. Вышел белый лист. Сканирование через телефон.

Белый экран. Профессиональная камера со штатива. На дисплее снимок был виден до нажатия кнопки. После спуска — исчезал. Илья посмотрел на сохранённый файл. На столе лежала обычная фотография мужчины с разбитой губой. Рядом — ничего.

Сама бумага тоже исчезла. Он поднял снимок в воздух и сделал фотографию снова. В сохранённом изображении его рука держала пустоту. Пальцы были сжаты так, словно он показывал размер рыбы. Илья сел.

Ему захотелось позвонить кому-нибудь. Не Лене. Не

Тамаре Викторовне. Арсену, возможно. Сказать: приходи, смотри. Потом услышать, что Арсен видит обычную фотографию или не видит вообще ничего. Любой вариант был плохим.

Он достал визитку фотоателье. На обороте появилась новая надпись:

СНИМОК ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО СНЯТОМУ.

Ниже, другим почерком:

НЕ ПОКАЗЫВАЙТЕ ТЕМ, КОГО ХОТИТЕ СОХРАНИТЬ.

— Очень своевременно.

Он сунул визитку обратно в карман. Фотография лежала на столе. Лена на ней смотрела прямо на Илью. Когда он стоял слева, взгляд казался направленным влево. Перешёл вправо — глаза не последовали за ним. Обычный портретный эффект. Мона Лиза для людей с ипотекой.

И всё-таки что-то изменилось. Отец опустил газету. Совсем немного. Теперь были видны глаза. Илья замер.

Он помнил снимок точно. Отец смотрел вниз, в страницу. Сейчас его взгляд был направлен в сторону сына на фотографии. Не на Илью, стоящего возле стола. На другого Илью. Того, который написал книги.

— Хватит.

Он перевернул снимок изображением вниз. На обороте появилась строчка:

ДОСТАТОЧНО ПОЛОЖИТЬ ПОД ПОДУШКУ.

Илья прочитал дважды. Ниже медленно проступили ещё слова:

ПРОСНУТЬСЯ МОЖНО ТАМ, ГДЕ ВЫ УЖЕ СЧАСТЛИВЫ.

— Я и так просыпаюсь там, где уже всё испорчено.

Надпись не отреагировала. Он взял маркер и написал рядом:

КАК ВЕРНУТЬСЯ?

Чернила впитались. Несколько секунд ничего не происходило. Потом его вопрос побледнел, будто бумага высосала краску. Вместо него появилась новая фраза:

УСНУТЬ С ФОТОГРАФИЕЙ В РУКАХ.

Илья написал:

НА СКОЛЬКО?

Ответ:

НЕ БОЛЕЕ СЕМИ ДНЕЙ.

ЧТО БУДЕТ ПОТОМ?

Фотография молчала. Он повторил вопрос. Сильнее нажал маркером, почти прорвав бумагу. Его слова исчезли. Ответа не было.

— Разумеется.

У любой услуги самым крупным шрифтом пишут выгоду и самым мелким — последствия. Он написал:

КАКАЯ ЦЕНА?

Бумага долго оставалась чистой. Потом появилась одна строка:

ЦЕНА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ПОСЛЕ ПРОЯВКИ.

Та же формулировка, что в прейскуранте. Илья почувствовал злость. Не страх, а именно злость клиента, которому сообщают дополнительные условия после подписания договора. Эта реакция была привычнее и потому приятнее.

Он несколько раз провёл маркером по фотографии. Чернила не оставили следа. Попробовал порвать край. Бумага согнулась, но не надорвалась. Ножницы соскользнули, будто он резал тонкий металл. Илья положил снимок под лезвие резака. Рукоять опустилась на сантиметр и остановилась.

Он надавил обеими руками. Механизм скрипнул. Лезвие не пошло дальше.

— Хорошая бумага, — сказал он.

Убрал фотографию. На ней отец снова читал газету. В 20:40 в наружную дверь постучали. Илья дёрнулся. За стеклом стояла Лена.

Она была в сером пальто. В руках — две картонные коробки, поставленные одна на другую. Верхняя закрывала ей лицо до носа. Илья быстро сунул фотографию в ящик стола и повернул ключ. Только потом открыл дверь.

— Ты что здесь делаешь?

— Добрый вечер.

— Я спросил.

— Я видела свет.

— И решила принести мне чужие вещи на работу?

— Они твои.

Лена прошла внутрь, не дожидаясь приглашения, и поставила коробки на стойку. Пальто расстегнулось. Под ним был тёмно-зелёный свитер и джинсы. Никакого платья. Никакого кольца. Волосы длиннее, чем на фотографии, и собраны в хвост. Настоящая Лена выглядела хуже.

Не потому что стала некрасивой. Потому что существовала при плохом свете, устала тащить коробки и была на него зла. Фотография не предусмотрела ни одного из этих обстоятельств.

— Что здесь? — спросил Илья.

— Твои рукописи, книги, какие-то письма. Отец хранил. Я забрала, чтобы там не потерялось.

— Ты зачем вообще поехала без меня?

— Потому что с тобой можно ждать до следующей смерти.

Она сняла перчатки.

— В квартире холодно. Холодильник отключён. На кухне запах. Нужно решать, что вывозить.

— Я решу.

— Когда?

— На выходных.

— Ты так говорил в прошлые выходные.

Илья посмотрел на ящик стола.

— Я был занят.

— Чем?

— Работой.

Лена оглядела пустой центр.

— Я вижу.

Серый фон висел криво. Из-за него выглядывал край замурованной двери. Лена подошла ближе.

— Что у вас там?

— Ничего.

— Там дверь.

— Служебное помещение.

— Ты всегда так врёшь, будто заполняешь анкету.

Она взялась за край ткани. Илья перехватил её руку. Слишком резко. Лена посмотрела на его пальцы, потом на лицо.

— Убери.

Он отпустил.

— Там пыль и плесень.

— Хорошо.

Она отступила.

Между ними осталось метра два и десять лет. Илья вдруг увидел, насколько фотография была подлой. На снимке Лена прижималась к нему так, словно эти десять лет просто вырезали и выбросили. Ни её нового мужчины, если он существовал. Ни его молчания. Ни похорон. Ни разговоров возле чужих дверей.

— Ты звонила зачем? — спросил он.

— Я уже не помню.

— Смешно.

— Нет. Просто устала.

Она провела ладонью по лицу.

— Отец оставил тебе ключи от гаража. Они в верхней коробке. Ещё документы на квартиру. Не потеряй.

— Я не ребёнок.

— Ты не ребёнок, Илья. Дети хотя бы плачут, когда им плохо.

— Началось.

— Нет, не началось. Я принесла коробки и ухожу.

Она надела перчатки.

— Лена.

— Что?

Он хотел спросить: ты когда-нибудь представляла, что мы не расстались? Или: если бы можно было вернуться, ты бы вернулась? Или просто: у тебя кто-то есть? Вместо этого спросил:

— Ты волосы подстригать собираешься?

Она несколько секунд смотрела на него.

— Вот поэтому у нас ничего и не получилось.

— Я просто спросил.

— Я знаю.

Лена ушла. Дверь закрылась. За стеклом она поправила шарф, достала телефон и быстро пошла к остановке. Илья вернулся к столу. Открыл ящик. Фотография лежала изображением вверх.

На снимке Лена всё ещё обнимала его. Но теперь её лицо было повёрнуто не к камере, а к нему. Она смотрела на

Илью с такой смесью нежности и восхищения, какую настоящая Лена не показывала даже в первые годы. Отец за столом улыбался. Илья закрыл ящик. Потом снова открыл.

— Сволочь.

Не камера. Не фотография. Он сам.

До дома он нёс снимок между двумя листами картона, чтобы не помять. В метро держал папку на коленях обеими руками. Напротив сидел мужчина в дорогом пальто и читал книгу. Илья посмотрел на обложку. Молодой автор с хорошей фотографией на клапане, большая фамилия, наклейка литературной премии. Он захотел, чтобы книга оказалась плохой. Не прочитал ни страницы, но захотел.

Потом вспомнил собственную полку на фотографии и почувствовал почти физическую обиду. Почему у неизвестного мужчины книга уже есть, а у него — тридцать восемь страниц и файл с идиотским названием? Дома он поставил коробки Лены у стены. Не открыл. Фотографию положил на кухонный стол.

Разогрел вчерашние пельмени. Достал пиво. Сел напротив снимка. Комната на фотографии была больше всей его квартиры. Даже письменный стол там выглядел так, будто за ним удобно проваливать сроки. Илья ел и рассматривал детали.

На полке стояла премия. Стеклянная, без названия. На подоконнике лежал паспорт. Красный. На стене висела фотография моря. Возле письменного стола — детский рису-

нок. Он приблизил снимок.

На рисунке были три фигуры: высокая, средняя и маленькая. Значит, ребёнок. Камера решила добавить ещё и ребёнка, но не посадила его в кадр. Возможно, спал. Возможно, находился в школе. Возможно, его вообще не существовало, а рисунок просто выполнял роль подтверждения полноценной жизни.

Илья не знал, хотел ли детей. Когда Лена спрашивала, он отвечал: не сейчас. Потом она перестала спрашивать. Потом ушла. Удобный способ принимать решения — ждать, пока решение примет другой. Он нашёл в ящике лупу. Под ней детали стали чётче.

На корешке одной книги он разобрал название:

«Фотоателье ненаступивших дней».

Илья отложил лупу. Посмотрел на снимок без неё. Название исчезло в общей массе букв. Он снова приблизил. Точно оно.

Его фамилия. Его книга. Название места, в котором он только что находился. Илья почувствовал холод в животе.

Если эта жизнь была вариантом того, что могло произойти, значит, в ней он тоже нашёл фотоателье. Написал о нём. Возможно, всё сделал иначе. Возможно, не стал фотографом на документы. Возможно, камера показывала не желание, а инструкцию. Он перевернул снимок. Надписи исчезли. Осталась только одна:

ДОСТАТОЧНО ПОЛОЖИТЬ ПОД ПОДУШКУ.

Время было 23:46. Илья принёс фотографию в спальню. Положил на тумбочку. Лёг. Выключил свет. Через минуту включил обратно и убрал снимок в кухонный ящик. Вернулся в кровать.

Пять минут смотрел в потолок. За стеной соседи спорили из-за денег. Женщина говорила, что он снова потратил всё. Мужчина отвечал, что это его деньги. Ребёнок плакал в другой комнате. Настоящая семейная жизнь существовала рядом и звучала хуже любой мечты. Илья встал.

Достал фотографию. Вернулся в спальню и положил её под подушку изображением вниз.

— Только посмотреть, — сказал он.

Как будто заключал договор с подушкой. Лёг на бок. Потом на спину. Край снимка давил через ткань в затылок. Илья поправил его, устроил ровнее. Закрыл глаза.

Он ждал вспышки, шума, провала, ощущения падения. Ничего не происходило. Просто темнота. Просто соседский ребёнок перестал плакать. Просто холодильник включился на кухне. Последней мыслью было, что утром он почувствует себя идиотом. Утром рядом с кроватью стоял отец.

— Ты долго ещё будешь валяться? — спросил он. — У тебя интервью в одиннадцать.

Глава 5. Два дня спустя

Отец стоял возле кровати в домашних брюках и клетчатой рубашке с дыркой на локте. В правой руке держал кружку «Лучший строитель». В левой — телефон Ильи. Живой отец выглядел раздражённым, плохо выспавшимся и совершенно не подготовленным к собственному воскрешению.

— Какое интервью? — спросил Илья.

— Твоё. Если ты опять не отменил.

Голос был настоящий. Не похожий, не собранный из обрывков памяти. В нём хрипело горло, посвистывал нос, а последняя гласная всегда слегка проваливалась, будто отец экономил воздух. Илья знал этот голос всю жизнь и только сейчас понял, насколько плохо его помнил. Он сел.

Комната была не его. Большая спальня, низкая кровать, светлые стены. Возле окна стояло кресло, заваленное одеждой. На прикроватной тумбочке лежали часы, очки, книга с загнутой страницей и упаковка таблеток от изжоги. Никакой волшебной чистоты. На полу валялся носок. В углу стоял увлажнитель с красным огоньком, сообщавшим, что вода закончилась и хозяину снова плевать.

Отец поставил кружку на тумбочку.

— Ты чего на меня смотришь?

Илья хотел сказать: потому что ты умер. Три недели назад. В больнице. Я не приехал. Ты лежал в гробу в синем костю-

ме, который терпеть не мог, и двоюродный брат Миша сказал, что ты хотя бы не мучился долго. Вместо этого спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Утром?

— Вообще.

— Вообще я старый. Утром ещё и злой.

Отец бросил телефон на кровать.

— Лена велела тебя разбудить. Сама в душе.

Из ванной доносилась вода. Илья поднял руку и потрогал отца за запястье. Кожа была тёплой. Под пальцами бился пульс. Отец посмотрел на его руку.

— Ты что делаешь?

— Ничего.

— Тогда делай это без меня.

Он выдернул запястье. Илья засмеялся. Не потому что было смешно. Смех вышел сам, неровный, почти больной. Отец отступил на полшага.

— Ты вчера пил?

— Нет.

— Тогда хуже.

Он вышел, оставив дверь открытой. Илья сидел на кровати и смотрел в коридор. Отец прошёл мимо зеркала, исчез за углом, хлопнул дверцей шкафа. Потом выругался из-за пакета, который кто-то положил не туда. Всё было правильно. Не красиво. Правильно.

Телефон на кровати завибрировал. На экране появилось

сообщение:

Анна, пресс-служба издательства: «Илья, доброе утро. Машина будет в 10:15. Журналист уже подтвердил. После интервью сразу едем на запись подкаста. Вечером встреча с читателями, начало в 19:00».

Ниже висело двенадцать непрочитанных сообщений. Илья разблокировал телефон отпечатком пальца. Устройство приняло его сразу. На заставке была фотография: он, Лена и отец сидели за столом на летней веранде. Лена щурилась от солнца. Отец держал шампур. Илья смотрел в сторону, будто даже для семейного снимка считал себя слишком интересным.

Он открыл календарь. День был забит цветными прямоугольниками. 11:00 — интервью журналу «Контекст». 13:00 — подкаст «Большой текст». 15:30 — согласование обложки иностранного издания. 17:00 — созвон со сценаристами. 19:00 — встреча с читателями.

21:30 — ужин с Марком. Илья не знал ни Анну, ни «Контекст», ни Марка. Не знал, какую книгу будут обсуждать читатели и что за сценаристы ждут его в пять. Зато в углу календаря стояла обычная запись:

Купить отцу батарейки в тонометр.

Он открыл переписку с Леной. Последнее сообщение было отправлено ночью: «Ты опять уснул с фотографией под подушкой. Это уже диагноз». Илья перевернул подушку. Фотографии не было.

Он сорвал наволочку, провёл рукой между матрасом и спинкой кровати, заглянул под тумбочку. Пусто. Из ванной вышла Лена. Волосы мокрые, на плечах полотенце, на ней длинная футболка с выцветшей надписью. Она увидела разорванную постель.

— Что ищешь?

Илья выпрямился. Настоящая. Или настолько убедительная, что разница становилась технической. Лена была старше той, которую он помнил из совместной жизни, и мягче вчерашней. Возле глаз появились мелкие морщины. На подбородке — маленький красный след, вероятно от прыща. Она не была подготовлена к кадру, поэтому выглядела лучше фотографии.

— Ничего.

— Это видно.

Она сняла полотенце, подошла к шкафу и начала выбирать одежду. Не обняла его, не бросилась рассказывать, как счастлива. Просто двигалась по спальне так, будто делала это много лет.

— Папа тебя разбудил?

Слово «папа» ударило сильнее, чем голос отца.

— Да.

— Зря я его попросила. Теперь будет ходить довольный, что без него ты пропустил бы собственную карьеру.

— Он здесь живёт?

Лена обернулась.

— Кто?

— Отец.

— Сегодня — да. После врача останется ещё на ночь. Ты сам настоял.

Она подошла ближе и приложила ладонь к его лбу.

— Температуры нет.

Илья поймал её руку. Лена не удивилась. Только провела большим пальцем по его щеке.

— Плохо спал?

— Не знаю.

— Ты вчера был странный.

— В каком смысле?

— Долго смотрел на старые фотографии. Потом сказал, что хотел бы проснуться в своей жизни и впервые её увидеть.

— Я так сказал?

— Да. Очень литературно. Я чуть не блеванула.

Она наклонилась и коротко поцеловала его. Илья не успел ответить. Лена уже отстранилась, достала из шкафа брюки и стала одеваться. Ему хотелось снова схватить её, прижать к себе, спросить, как они прожили эти десять лет, когда поженились, кто первым вернулся, есть ли у них ребёнок. Но хватать собственную жену в собственной спальне с вопросом, откуда она взялась, было бы плохим началом идеальной жизни.

— А ребёнок? — спросил он.

Лена замерла одной ногой в брюках.

— Какой?

— Наш.

Она медленно натянула вторую штанину.

— Илья, не смешно.

Значит, рисунок на фотографии ничего не доказывал.

— Я спросонья.

— У нас нет ребёнка. Ты сегодня точно никуда не пойдёшь без кофе.

Она вышла. Илья взял телефон и открыл галерею. Тысячи снимков. Презентации, аэропорты, гостиницы, книги, лица. Он листал быстро, пытаясь найти происхождение собственной жизни.

На одной фотографии Илья стоял на сцене перед огромным экраном. На другой подписывал книги. Потом Париж, Берлин, Казань, Владивосток. Отельный завтрак. Лена в самолёте. Отец возле гаража. Отец в больничном коридоре, но стоящий на своих ногах и сердитый. Лена на пляже. Илья с известными людьми, которых он узнавал, но не знал лично.

Было много селфи. В основном плохих. Выдуманная жизнь не спасла его от привычки снимать себя снизу. Он нашёл свадьбу.

Небольшой зал. Лена в простом светлом платье. Отец в костюме. Сам Илья без галстука, уже немного пьяный и счастливый так откровенно, что захотелось отвернуться. Дата — восемь лет назад. То есть они расстались, потом сошлись. Как именно — неизвестно.

Он открыл фотографии за тот месяц. Ресторан, поездка, подпись договора с издательством. Несколько снимков рукописи. На одном крупным планом была первая страница романа. Илья увеличил изображение. Название: «Пустые комнаты». Первая строка: «Отец умер в среду, хотя всю жизнь терпеть не мог середину недели».

Илья прочитал абзац. Потом второй. Текст был хорошим. Не великолепным, не таким, каким хочется хвастаться перед умершими. Но живым. С точными деталями, с раздражением, которое не пытались выдать за мудрость. Илья слышал собственный голос и не мог вспомнить ни одной минуты, когда писал эти слова.

Он пролистал дальше. В галерее были сотни фотографий страниц с правками, скриншоты редакторских замечаний, переписки. Значит, книги не возникли готовыми. Он их писал. Ссорился из-за обложек. Менял финалы. Отправлял файлы ночью. Просто не помнил ничего.

От этого стало страшнее. Если бы камера подарила ему славу без труда, можно было бы презирать подделку. Но жизнь имела прошлое. Подробное, изношенное, зафиксированное. Только внутри Ильи этого прошлого не было. На кухне отец включил радио. Диктор рассказывал о пробках.

Илья вышел из спальни.

Квартира почти совпадала со снимком. Высокие окна, книжный шкаф, письменный стол. Но фотография врала по мелочи, как любой удачный кадр. За пределами композиции

стояла сушилка с бельём. У дивана лежал пакет с кошачьим наполнителем, хотя кошки нигде не было. На стене возле выключателя темнел след от грязных пальцев. Книги на полках были расставлены не идеально, часть лежала горизонтально, несколько томов распухли от закладок.

Собственные книги занимали две полки. Илья подошёл.

Пять романов, сборник рассказов, книга эссе. Переводы. Мягкие обложки. Подарочные издания. На некоторых наклейки премий. Фамилия действительно повторялась столько раз, что выглядела чужой торговой маркой. Он вытащил первый роман — «Пустые комнаты».

На задней обложке был его портрет в чёрной водолазке.

— Господи, — сказал Илья.

— Я тебе говорил, что вид идиотский, — отозвался отец с кухни.

Илья открыл книгу посередине. Текст не вызвал узнавания. Ни одной фразы. Даже опечатки не казались родными.

В кухне отец сидел за столом и чистил варёное яйцо. Перед ним лежала газета. Тот же ракурс, что на фотографии. Только кружка стояла справа, а не слева. Лена наливала кофе.

— Ешь, — сказала она. — У тебя двадцать минут.

— Я отменю интервью.

Она повернулась.

— Почему?

— Не хочу.

— Ты вчера неделю ныл, что они поставили тебя после актёра из сериала.

— Передумал.

— Ты не можешь передумать после того, как издательство оплатило съёмку.

— Отменю.

Отец посыпал яйцо солью.

— Писатель проснулся.

— Папа, — сказала Лена.

— Что папа? У него как успех появился, так он решил, что время других людей тоже его.

Илья сел напротив.

— Ты читал мои книги?

— Некоторые.

— Какие?

Отец посмотрел на него поверх очков.

— Опять начинаешь?

— Я просто спрашиваю.

— Первые две прочитал целиком. Третью бросил.

— Почему?

— Скучная.

Лена поставила перед Ильёй кофе.

— Не заводись.

— Я не завожусь.

— Ты вчера уже спрашивал его об этом.

Илья почувствовал холод.

— Вчера?

— Да, — сказал отец. — Хотел узнать, горжусь ли я тобой. Будто тебе шестнадцать.

— И что ты ответил?

Отец дожевал яйцо.

— Что горжусь.

Илья ждал продолжения.

— Всё?

— А что тебе ещё? Справку выписать?

— Нет.

— Тогда ешь.

Вот так просто. Отец сказал слова, которых Илья хотел всю жизнь. Не со сцены, не в момент награждения, не на смертном одре. За столом, с крошками желтка на губе. Илья ничего не почувствовал.

Вернее, почувствовал облегчение, обиду и подозрение. Слишком легко. Словно автомат выдал нужный товар после нажатия кнопки. Он посмотрел на отца.

— А чем именно ты гордишься?

Отец нахмурился.

— Что?

— Книгами? Деньгами? Тем, что я известный?

— Илья, отстань от человека, — сказала Лена.

— Я хочу понять.

— Что понять? — спросил отец.

— За что ты мной гордишься.

Отец положил скорлупу на край тарелки.

— За то, что ты сделал то, что хотел.

Ответ был хорошим. Слишком хорошим. Именно таким, какой Илья мог придумать сам, когда лежал ночью и мысленно спорил с отцом.

— А если книги плохие?

— Некоторые плохие.

— Тогда за что?

— За то, что следующие написал лучше.

Опять правильно. Илья почувствовал раздражение. Настоящий отец сказал бы: «Ну, значит, людям надо» или «Главное, что за это платят». Он не умел формулировать любовь как редактор предисловия.

— Ты всегда так говорил?

— Как?

— Нормально.

Отец посмотрел на Лену.

— Вызови ему врача.

В дверь позвонили. Лена открыла. В прихожую вошла молодая женщина в длинном пальто, держа в руках планшет и бумажный стаканчик.

— Доброе утро. Илья, машина ждёт.

Она сняла обувь, не спрашивая, и прошла в кухню.

— Анна, — представилась она отцу, хотя тот явно её знал.

— Мы встречались, — сказал отец.

— Конечно. Простите, я на автомате.

Анна повернулась к Илье.

— Журналист прислал темы. Будут говорить о новой книге, экранизации и вашем отношении к автобиографической прозе. Просил не запрещать вопросы о семье.

— Запретите.

— Уже поздно.

— Тогда отмените интервью.

Анна не удивилась. Видимо, выдуманный Илья регулярно пытался отменить собственную жизнь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что журнал закрыл номер, фотограф приехал из Петербурга, студия оплачена, а вы сами просили большой материал перед стартом продаж.

Профессиональная система существовала и здесь. Люди, деньги, аренда, расписание. У успеха были сотрудники, которые не позволяли ему лежать до обеда.

— Какая новая книга? — спросил Илья.

Анна посмотрела на Лену.

— Это шутка?

— Название напомните.

— «Жизнь после автора».

Илья усмехнулся.

— Конечно.

— Что?

— Ничего.

Анна открыла планшет.

— Тираж допечатывают. Вчера подтвердили двадцать тысяч. Сегодня нужно согласовать вступление к аудиоверсии. И ещё немецкий издатель просит заменить фотографию на обложке.

— Водолазку убрать?

— Они считают её слишком траурной.

— Умные люди.

Анна поставила перед ним стаканчик.

— Ваш кофе. Без сахара, двойной.

Илья сделал глоток. Кофе был именно таким, какой он обычно покупал сам. Мир знал его вкусы. Через двадцать минут он сидел на заднем сиденье чёрной машины. Анна отвечала на звонки, листала почту и время от времени задавала вопросы, на которые он не знал ответа.

— Финальный вариант сценария читали?

— Нет.

— А первый?

— Смутно.

— Созвон переносить?

— Да.

— На когда?

— На никогда.

Она даже не подняла глаз.

— Хорошо, поставлю на понедельник.

За окном шёл обычный город. Люди стояли на останов-

ках, курьеры разъезжали по тротуарам, мужчина в оранжевой жилетке бил ломом по льду. Никакой идеальной архитектуры. Пробки, грязь, реклама кредитов. Альтернативная жизнь не переписала мир, только место Ильи в нём. На светофоре он увидел центр изготовления документов.

Не «Точный кадр», другой. Маленький салон с выцветшей вывеской. За стеклом мужчина поправлял лампу перед клиенткой. Илья отвернулся. Студия журнала находилась в бывшем заводском корпусе. Белые стены, чёрные трубы под потолком, кофе за двести восемьдесят рублей. Девушка на входе узнала Илью и сразу стала говорить тише.

Журналист оказался мужчиной лет сорока с гладкой бородой и манерой держать блокнот так, будто записывал показания.

— Илья, спасибо, что нашли время.

— У меня его нашли.

Журналист улыбнулся. Анна у стены закрыла глаза. Сначала были фотографии. Илью посадили на высокий стул, поправили воротник, убрали блеск с лица. Фотограф попросил смотреть не в объектив, а чуть правее.

— Выражение спокойное, — сказал он.

Илья чуть не рассмеялся.

— Подбородок ниже.

Он опустил.

— Плечи свободнее.

Илья знал, что должен делать. Тело подчинилось автома-

тически. Только теперь камера была направлена на известного писателя, а не на женщину, недовольную шеей. После съёмки они сели напротив друг друга.

— В новой книге герой просыпается в мире, где его больше никто не помнит, — начал журналист. — Вас всегда интересовало исчезновение личности?

— Видимо.

— В ваших романах человек часто пытается доказать, что прожил не зря.

— Это удобная тема.

Журналист слегка наклонил голову.

— Удобная?

— Все боятся, что прожили зря. Пиши об этом — и половина работы сделана.

Анна перестала печатать в телефоне.

— Вы довольно жестоки к собственной аудитории.

— Я к себе тоже.

— Значит, вы считаете литературу эксплуатацией общего страха?

Илья хотел ответить красиво. В этой жизни он наверняка умел. Наверняка говорил фразы, которые потом печатали крупным шрифтом на сером фоне. Но готовых слов не было.

— Я не помню, зачем написал эту книгу.

Журналист улыбнулся, ожидая продолжения. Илья молчал.

— В каком смысле?

— В прямом. Не помню.

— Вы говорили, что работа длилась почти три года.

— Возможно.

— У вас бывают провалы после завершения текста?

— Теперь бывают.

Журналист записал.

— Это связано с выгоранием?

— Нет.

— С потерей отца?

Илья посмотрел на него.

— Отец жив.

В комнате стало тихо. Журналист перевёл взгляд на Анну. Она быстро вмешалась:

— Илья имеет в виду страх потери. Его отец сейчас проходит лечение.

— Конечно. Простите.

Журналист перелистнул страницу.

— Тогда поговорим о другом. Вы неоднократно называли отца главным внутренним адресатом своих книг. Когда впервые почувствовали, что он вас услышал?

Илья представил отца за кухонным столом с яйцом.

— Сегодня утром.

— После выхода пятой книги?

— После завтрака.

Журналист улыбнулся.

— Хорошо сказано.

Он записал фразу. Вот как это работало. Даже растерянность здесь превращалась в авторский образ. Илья мог сказать, что забыл собственное имя, а через неделю это появилось бы в журнале как доказательство глубины.

Интервью длилось час. Он отвечал коротко, иногда грубо. Журналист становился всё довольнее. Анна сначала нервничала, затем поняла, что материал получается живым, и перестала вмешиваться. На выходе фотограф попросил сделать ещё один кадр возле окна. Илья встал.

— Смотрите на город, — сказал фотограф.

— Зачем?

— Будто думаете.

— А если я действительно думаю?

— Это обычно хуже выглядит.

После студии они поехали на подкаст. В машине Анна сказала:

— Очень хорошо.

— Что именно?

— Интервью. Неожиданно, резко. Без ваших обычных заготовок.

— У меня есть обычные заготовки?

— Семь штук. Я могу повторить.

— Не надо.

— Особенно хорошо про завтрак.

Илья закрыл глаза. Его жизнь была наполнена людьми, которые следили за качеством его личности. На подкасте веду-

щий двадцать минут рассказывал Илье, как сильно на него повлияли его книги. Назвал две любимые сцены, одну цитату и персонажа, которого считал почти собой.

— Когда я это читал, мне казалось, вы знаете меня лично.

Илья смотрел на незнакомого мужчину и думал, что не знает даже автора этих книг.

— Наверное, вы ошиблись, — сказал он.

Ведущий рассмеялся.

— Вот за это мы вас и любим.

Вечером был книжный магазин. Очередь тянулась между стеллажами. Люди держали его книги, фотографировались, благодарили. Девушка с дрожащими руками сказала, что один из романов помог ей пережить смерть матери. Мужчина признался, что после рассказа Ильи ушёл с работы и открыл мастерскую. Пожилая женщина принесла потрёпанное первое издание. Илья подписывал:

«Марине — с теплом». «Олегу — не останавливаться». «Анне — спасибо за доверие». Рука сама выводила привычную подпись.

Он чувствовал удовольствие. Грязное, сильное, настоящее. Люди стояли ради него. Произносили его фамилию. Смотрели так, будто он сделал что-то важное. Илья хотел презирать эту жизнь за поддельность, но тщеславие не интересовалось происхождением валюты. Когда последняя читательница ушла, он спросил у Анны:

— Так каждый раз?

— Нет. Иногда больше народу.

Она сказала это буднично, и внутри у него стало тепло. На улице уже стемнело. Машина ждала, но Илья отказался.

— Пройдусь.

— Лена просила не задерживаться. У вашего отца завтра врач.

— Я помню.

Он не помнил. Домой Илья шёл почти час. Несколько раз его узнавали. Один парень попросил селфи. Девушка в кофейне дала десерт бесплатно. Илья съел его стоя у окна, хотя сладкое не любил. Квартира встретила голосами.

Отец и Лена спорили на кухне из-за соли. Отец утверждал, что суп пресный. Лена говорила, что ему нельзя солёное. На столе стояли три тарелки.

— Звезда пришла, — сказал отец. — Мой руки.

Илья снял пальто. Ему хотелось остаться здесь навсегда. Мысль пришла спокойно, без торжественности. Просто как решение не возвращать удачно купленную вещь. За ужином отец жаловался на врача, Лена рассказывала о работе, Илья слушал. Он не знал, где работает Лена, поэтому задавал осторожные вопросы и быстро понял: она руководила небольшой архитектурной мастерской. У неё были сотрудники, заказчики, конфликт с подрядчиком и женщина по имени Света, которую нужно было уволить, но никто не хотел.

Мир продолжал существовать вне Ильи. Это успокаивало. После ужина отец ушёл смотреть новости. Лена мыла посуду.

Илья подошёл сзади и обнял её. Она замерла.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда подозрительно.

Он прижал лицо к её мокрым волосам. Шампунь был другой. Не яблочный.

— Ты счастлива? — спросил он.

— Сейчас?

— Вообще.

Лена выключила воду.

— Опасный вопрос после десяти вечера.

— Ответь.

Она повернулась в его руках.

— Иногда.

— А со мной?

— Иногда.

— Почему не всегда?

— Потому что ты существуешь не всегда.

Илья отпустил её.

— В каком смысле?

— В обычном. Иногда ты рядом. Иногда уходишь в себя, в книгу, в страх, что следующая книга хуже. Можешь неделю жить за одним столом и не видеть меня.

Ответ был не идеальным. Илье стало легче.

— Мы расставались? — спросил он.

Лена улыбнулась.

— Опять хочешь переписать биографию?

— Просто вспомнил.

— Да. На два года.

— Почему сошлись?

— Ты пришёл пьяный под дверь и сказал, что написал роман, в котором я умерла, а потом понял, что не хочешь проверять, поможет ли это в жизни.

— Очень достойно.

— Было хуже. Ты ещё принёс цветы с кладбища.

— Я украл цветы с кладбища?

— Возле кладбища. Но продавщица сказала, что они для венков. Ты не расслышал.

Она засмеялась. Илья ждал, что смех повторит заранее придуманную мелодию. Но Лена фыркнула, закашлялась и ударилась бедром о стол. Настоящее несовершенство. Он поцеловал её.

В спальне они долго лежали, не включая свет. Лена заснула первой. Её колено упиралось ему в бедро, дыхание иногда сбивалось. Илья смотрел в потолок. Фотографии рядом не было. Чтобы вернуться, нужно было уснуть, держа её в руках. Значит, он не мог вернуться, даже если хотел.

Эта мысль должна была напугать. Не напугала. Утром отец снова разбудил его. На этот раз в руке была пачка батареек.

— Купил не те.

— Какие просил, такие и купил.

— Я просил пальчиковые.
— Это пальчиковые.
— Это мизинчиковые.
— На коробке написано ААА.
— Вот именно. Мне нужны АА.

Отец был жив второй день и уже раздражал Илью. Это оказалось почти счастьем. После завтрака Анна позвонила и сообщила, что вечернее интервью разошлось по соцсетям. Фраза про завтрак стала заголовком. Издательство просило комментарий. Илья отключил телефон.

Он отменил все встречи и поехал с отцом к врачу. Лена работала из дома и не возражала. В клинике отец спорил с регистратором, потому что его запись перенесли на двадцать минут. Потом спорил с врачом из-за давления. Потом с Ильёй из-за такси.

— Деньги девать некуда?
— Поедем нормально.
— Метро есть.
— У тебя сердце.
— Оно для того и есть, чтобы ехать в метро.

Они всё-таки сели в такси. По дороге отец смотрел в окно.

— Ты вчера чего чудил?
— Когда?
— За завтраком.
— Ничего.
— Спрашивал, горжусь ли я.

— И что?
— Опять хочешь?
— Нет.
Отец помолчал.
— Я не очень понимаю твои книги.
— Я тоже.
— Но люди понимают.
— Так бывает.
— Значит, нормально сделал.
Илья смотрел на его профиль.
— Ты боялся умереть?
Отец повернулся.
— Сейчас?
— Вообще.
— Что у тебя за разговоры второй день?
— Ответь.
Отец пожал плечами.
— Боялся.
— И сейчас?
— Сейчас обследование хорошее.
— А если бы умер?
— Тогда бы не боялся.

Он отвернулся к окну. Настоящий ответ. Глупый, точный, бесполезный. Илья почувствовал, что глаза начинают гореть. Он быстро посмотрел на телефон. На экране было сообщение от неизвестного номера:

«Ваш заказ готов. Фотоателье „Мечта“».

Под сообщением — изображение. Белый прямоугольник. Илья открыл его. Несколько секунд экран оставался пустым. Потом появилась фотография их спальни. Подушка была приподнята, а из-под неё выглядывал угол снимка. Фотография находилась в этой квартире.

Илья вернулся домой раньше отца. Лена сидела в комнате перед ноутбуком и разговаривала с кем-то о фасадных панелях. Он прошёл в спальню, запер дверь. Под подушкой действительно лежал снимок. Тот же самый. Он, Лена, отец, книжный шкаф. Только на обороте появилась новая строка:

ПРОЖИТО: 2 ДНЯ.

Ниже:

ОСТАЛОСЬ: 5.

Илья взял маркер из ящика.

КАКАЯ ЦЕНА?

Чернила исчезли. Ответа не было. Он написал снова.

ЧТО ВЫ ЗАБЕРЁТЕ?

Бумага оставалась чистой. За дверью Лена закончила разговор и позвала:

— Илья, ты будешь обедать?

Он посмотрел на фотографию. Пять дней.

Пять дней с живым отцом, с Леной, с собственными книгами. Можно было использовать хотя бы один. Ничего страшного не произошло. Он помнил себя, работу, прошлую квартиру, фотоцентр. Помнил смерть отца. Помнил,

как старуха сказала, что внутри она другая. Илья попробовал вспомнить её лицо.

Фиолетовый платок. Серый жакет. Брошь в виде птицы. Лицо не появилось.

Он знал, что старуха была. Помнил разговор. Помнил слова. Но вместо лица видел пустое светлое пятно. Илья сел на край кровати. Попробовал вспомнить женщину в белой водолазке из первого дня. Получилось сразу: острый ноготь, тяжёлые веки, сжатые губы.

Курьера без футболки — тоже. Тамару Викторовну. Колю. Арсена. Лену на похоронах. Отца в гробу. Всё было на месте.

Только лицо старухи исчезло. Один человек из сотен клиентов. Незнакомая женщина, чью фамилию он даже не спросил. Возможно, забыл бы через неделю и без всякой магии. Маленькая плата. Почти никакая.

— Илья! — снова позвала Лена.

Он перевернул фотографию изображением вверх. Отец на снимке читал газету. Лена держала Илью за пояс. Книги стояли на полке. Илья положил фотографию в ящик.

— Иду.

Вечером они втроём смотрели старую комедию. Отец смеялся раньше смешных мест, потому что видел фильм много раз. Илья слушал его смех и старался запомнить. Перед сном он достал фотографию. Для возвращения нужно было держать её в руках. Илья лёг рядом с Леной, сжал снимок пальцами и закрыл глаза. Проснулся от собственного телефона.

Комната была маленькой, тёмной и холодной. Рядом никого. За стеной ругались соседи. На часах было 7:18.

На экране — двадцать семь пропущенных вызовов. Девять от Тамары Викторовны. Семь от Лены. Три от Коли. Один неизвестный номер. Остальные — уведомления и сообщения. Последнее сообщение Тамары Викторовны состояло из четырёх слов:

«Где вы второй день?»

Илья сел. В руке лежала фотография. На ней отец снова смотрел в газету. Лена обнимала другого Илью. Из кухни доносился гул холодильника. Илья прижал снимок к груди, как идиот, который вернулся из отпуска и решил обнять билет. Потом открыл голосовые сообщения.

Лена говорила:

— Илья, ты где? Я приехала к отцу, тебя нет. Ты обещал.

Следующее:

— Я была у тебя дома. Никто не открывает. Перезвони.

Тамара Викторовна:

— Если вы решили взять отпуск, об этом предупреждают. У нас дверь вскрывают, собственник здесь, полиция уже была. Немедленно позвоните.

Коля:

— Илья Алексеевич, тут вообще жесть. Короче, вы лучше сами увидите.

Илья посмотрел на дату. Прошло двое суток. Не во сне. Не за минуту. Два настоящих дня. Он попытался вспомнить

смех отца.

Сначала получилось. Поднятые плечи, запрокинутая голова, прищуренные глаза. Звука не было. Илья знал, что отец смеялся. Но больше не мог услышать как.

Глава 6. Переснять нельзя

В «Точный кадр» Илья приехал в той же одежде, в которой исчез: тёмные брюки, рубашка, носки с протёртой пяткой. За два дня ткань не помялась сильнее, щетина выросла как положено, желудок помнил вчерашний суп Лены. Тело вернулось вместе с ним и вело себя так, будто честно прожило всё это время в другой квартире. У входа стоял полицейский автомобиль. Возле стеклянной двери курил Олег Павлович. Его синяя жилетка была расстёгнута, под пиджаком темнело пятно пота. Рядом топтался незнакомый мужчина с чемоданом инструментов и лицом профессионала, которого третий час не допускают до оплаченной поломки.

Олег Павлович увидел Илью, бросил сигарету и пошёл навстречу.

— Вы где были?

— Дома.

— Полиция у вас дома была.

— Значит, в другой комнате.

— Вы издеваетесь?

— Мне плохо было.

— Двое суток?

— Отравление.

— Чем?

Илья посмотрел на аптеку, будто ответ мог лежать в вит-

рине между кремом от геморроя и витаминами для беременных.

— Едой.

— Это я понял. Какой?

— Плохой.

Олег Павлович несколько секунд держал рот открытым. Потом закрыл. Он был человеком конкретных площадей и квадратных метров. Неопределённая еда выводила его из себя сильнее неоплаченной аренды. Из центра вышла Тамара Викторовна. Она не закричала, и от этого стало хуже.

Подошла, встала перед Ильёй и внимательно осмотрела его лицо, руки, обувь. Проверяла, не вернулся ли он с моря, из запоя или с новой женщиной.

— Телефон зачем отключили?

— Разрядился.

— Зарядки не существует?

— Меня рвало.

— Двое суток без перерыва?

— Были перерывы.

— Очень рада.

Она ударила его папкой по груди. Не сильно, но с накопленным бухгалтерским чувством.

— Мы обзвонили больницы. Морги. Вашу бывшую. Соседей. Полиция вскрывала квартиру.

— Как вскрывала?

— Ключом Лены. Не надейтесь, дверь цела.

Илья посмотрел на полицейскую машину.

— А они сейчас зачем?

— Потому что вы явились. Хотят убедиться, что вас не убили.

— Выглядит, будто не убили.

— Они обязаны услышать это от вас.

— Что именно? Что меня не убили?

— Постарайтесь не умничать хотя бы с людьми в форме.

— Я постараюсь распределить.

Тамара Викторовна развернулась и пошла внутрь. Олег Павлович задержался.

— С дверью что делали? — спросил Илья.

— Пытались открыть.

— Получилось?

— Нет.

— Почему?

Олег Павлович указал на мужчину с чемоданом.

— Потому что этот специалист третий час рассказывает, что замок старинный.

Специалист поднял палец.

— Я говорил: нестандартный.

— Вы говорили, таких больше не делают.

— И это говорил.

— Значит, старинный.

— Может быть новый нестандартный под старый корпус.

— Я за каждое слово отдельно плачу?

Специалист отвернулся и закурил. Внутри центра серый фон был полностью снят. Металлическая конструкция лежала на полу возле стены. Дверь открылась целиком: потемневшее дерево, облупившаяся зелёная краска, замок. Вокруг неё стояли стремянка, лом, дрель и пластиковое ведро с раствором. Дверь выглядела сухой. Никакого тёмного пятна.

На стуле для клиентов сидел молодой полицейский и заполнял бумаги. Рядом Коля рассказывал второму сотруднику, как Илья «в последнее время был задумчивый». Илья никогда не был задумчивым. Он был уставшим, злым или смотрел в одну точку, потому что монитор долго сохранял файл. Но после исчезновения любая тупость превращалась в симптом.

— Вот он, — сказала Тамара Викторовна.

Полицейский поднялся.

— Илья Алексеевич Соколов?

— Да.

— Пройдёмте.

— Куда?

— Пока сюда.

Они сели за крайний стол. Полицейский включил запись на телефоне, назвал дату и время. Илья услышал дату ещё раз. Два дня. Настоящие, календарные, ушедшие без него.

— Где вы находились с вечера вторника до сегодняшнего утра?

— Дома.

— Вашу квартиру проверяли.

— Я потом вернулся.

— Откуда?

— Ходил.

— Двое суток?

— Мне стало плохо по дороге. Потом лучше. Потом снова плохо.

— Где ночевали?

Илья посмотрел на фотографию-пример, стоявшую на столе. Улыбающаяся семья на белом фоне. Отец, мать и ребёнок, которым заплатили за то, чтобы они выглядели счастливыми для рекламы услуг, не связанных со счастьем.

— У знакомого.

— Фамилия, имя?

— Он не хочет участвовать.

— Он знает, что вы пропали?

— Теперь, видимо, знает.

Полицейский перестал писать.

— Илья Алексеевич, заявление о вашем исчезновении подала Елена Воронцова. Ваши коллеги сообщили, что перед пропажей вы интересовались закрытым помещением. Собственник опасался, что вы могли оказаться внутри. Нам нужно убедиться, что в отношении вас не совершено преступление и вы не представляете опасности для себя.

Илья посмотрел на Тамару Викторовну. Она стояла за кассой и делала вид, что считает деньги, хотя касса ещё не от-

крывалась.

— Не представляю.

— Есть мысли причинить себе вред?

— Есть мысли причинить вред принтеру. Он давно заслужил.

Полицейский не улыбнулся.

— Себе?

— Нет.

— Наркотические вещества употребляли?

— Нет.

— Алкоголь?

— Пиво.

— Сколько?

— Одну банку. Не допил.

Почти правда. В реальной квартире он действительно не открыл вторую. О том, что потом два дня пил кофе в квартире, которой не существовало, в форме не спрашивали. Полицейский записал.

— Телефон покажите.

Илья достал его.

— Для чего?

— Последние звонки, геолокация. Добровольно.

Слово «добровольно» прозвучало так, что отказ сразу становился отдельным документом. Илья разблокировал экран.

В журнале звонков зияла двухдневная дыра. Сообщение фотоателье исчезло. Белого снимка спальни тоже не было.

Галерея заканчивалась фотографиями старой двери, сделанными вечером перед его исчезновением. На них дверь была видна. Внутреннее помещение — нет: белые кадры, пустые прямоугольники, стол. Полицейский пролистал.

— Это что?

— Проверял камеру.

— Почему много белых снимков?

— Сбой.

— А дверь зачем фотографировали?

— Потому что нашли.

— Внутрь заходили?

Илья почувствовал фотографию под рубашкой. Перед выходом он сунул её во внутренний карман куртки, потом решил, что куртку могут забрать, и переложил под ремень брюк. Край бумаги теперь упирался в живот.

— Нет.

— Ваш коллега говорит, заходили.

Коля у соседнего стола сразу перестал говорить.

— Коля много чего говорит.

— Он видел, как вы искали ключ.

— Мы проверяли помещение.

— Так заходили?

— Дверь открылась на несколько сантиметров. Там коридор.

Полицейский повернулся к двери.

— Сейчас не открывается.

— Замок старый.

— Что за коридор?

— Узкий.

— Куда ведёт?

— Не успел посмотреть.

Тамара Викторовна громко положила пачку чеков на стойку. Илья знал этот звук. Так она предупреждала, что слышит ложь и собирается сохранить её для будущего использования. Полицейский ещё несколько минут задавал вопросы. Про конфликты, долги, лекарства, родственников. Илья отвечал спокойно. Спокойствие всегда выглядело подозрительно, но паника выглядела ещё дороже.

В конце ему дали подписать объяснение.

— Если вспомните, где находились, сообщите.

— Обязательно.

— Взрослый человек имеет право уходить куда хочет. Но когда вас ищет полиция, лучше не усложнять.

— Я учту.

— И телефон заряжайте.

— Это главное.

Полицейский выключил запись.

— Это действительно главное. Половина розыска начинается с людей, которые решили, что зарядка портит аккумулятор.

Они уехали. Олег Павлович дождался, пока машина скроется, и повернулся к Илье.

— Теперь дверь.

— Что с ней?

— Вы открывали — вы и откроете.

— Ключ у Тамары Викторовны.

Она достала связку. Длинного ключа с овальной бородкой не было.

— У меня тот, что вы вернули, — сказала она.

— Я вернул другой.

— Вы вернули то, что дали.

— Тогда настоящий снова в замке.

Все посмотрели на дверь. Ключа не было. Олег Павлович медленно вдохнул.

— Я сейчас очень спокойно скажу. Либо вы открываете это помещение, либо я вызываю людей, которые выносят дверь вместе с коробкой, стеной и вашей зарплатой.

— Моя зарплата такого объёма не выдержит.

— Илья Алексеевич, — сказала Тамара Викторовна. — Хватит.

В её голосе было не раздражение. Усталость. Она действительно искала его двое суток. Звонила в морги, хотя наверняка потом ещё долго мыла руки.

— Ключ у меня дома, — сказал Илья. — Возможно.

— Вы сказали, вернули.

— Перепутал.

— Вы отравились или ударились головой?

— Одно не исключает другого.

Олег Павлович подошёл к двери и ударил ладонью.

— Завтра снимаем с петель.

Специалист с чемоданом покачал головой.

— Петли внутренние.

— Тогда выпиливаем замок.

— Металл странный.

— Вы впервые в жизни увидели металл?

— Такой — да.

— Найду другого.

— Найдите.

Специалист закрыл чемодан и ушёл. Олег Павлович выругался ему вслед, потом Тамаре Викторовне, потом зданию. Виновные расширялись. К десяти пришлось открываться.

Фон поставили на временную раму в другом углу. Серое полотно шло мелкими волнами. Тамара Викторовна пыталась натянуть его прищепками, Коля держал стойку, Илья выставлял свет. За спиной клиента теперь находилась пластиковая пальма. Её переставили к кассе, но часть листьев всё равно лезла в кадр, как родственник, которого не позвали. Первым пришёл мужчина на замену паспорта.

— Фон у вас кривой, — сообщил он.

— Мы знаем.

— На фотографии будет видно?

— Если сядете правильно, нет.

— А если неправильно?

— Тогда фон будет меньшей проблемой.

Мужчина снял куртку, сел, расправил плечи.

— Только сделайте нормально. В прошлый раз меня сфотографировали как уголовника.

— На паспорт обычно не добавляют профессию.

Мужчина не понял. Илья посмотрел в видоискатель. Лицо расплывалось.

Не оптически. Камера была исправна, фокус навёлся на глаза. Но Илья не мог собрать черты в целое. Видел нос, щёки, лоб, тёмные волосы. Когда пытался понять, похож ли человек на снимке на человека перед ним, внимание соскальзывало. Он моргнул.

— Голову чуть левее.

Мужчина повернул вправо.

— В другую сторону.

— Для меня или для вас?

— Для вашей головы.

— Так?

— Назад. Стоп.

Илья нажал кнопку. Вспышка. На экране появился кадр. Нормальный. Мужчина выглядел слегка обиженным, что обычно помогало узнаваемости.

— Посмотреть можно?

— Сейчас.

Илья открыл следующий файл. Там была женщина. Белая водолазка, сжатые губы, тяжёлые веки. Та самая клиентка, которая просила убрать шею. Илья отодвинулся от монито-

ра.

— Что там? — спросил мужчина.

— Ничего.

— А почему женщина?

Он тоже увидел.

— Старый файл открылся.

Илья закрыл изображение, выбрал свежий кадр. Мужчина снова появился. Подготовил макет, отправил на печать. Принтер выдал четыре фотографии женщины.

— Вы издеваетесь? — спросил мужчина.

— Принтер перепутал очередь.

— Он что, живой?

— К сожалению.

Тамара Викторовна подошла.

— В чём проблема?

— Ваша сотрудница, — сказал мужчина, показывая фотографии.

— Сотрудница? — переспросила она.

— Ну женщина эта.

— Она не работает у нас.

— А почему вы мне её печатаете?

Илья отменил задание, очистил очередь, перезапустил программу. На втором листе вышел курьер без футболки. На третьем — мужчина с разбитой губой. Тамара Викторовна молчала. Её лицо становилось всё спокойнее, как море перед тем, как унести прибрежный город.

— Коля, — сказала она. — Сядь за компьютер Ильи.

— А я кассу не умею.

— Сейчас научишься. Илья Алексеевич, в подсобку.

— Я исправлю.

— В подсобку.

— Программа—

— Если вы сейчас скажете «программа», я этой программой вас ударю.

Илья прошёл за ней. Тамара Викторовна закрыла дверь.

— Вы домой пойдёте.

— Я в порядке.

— Вы двое суток неизвестно где, врёте полиции, путаете ключи и печатаете мужику чужих женщин.

— Последнее не специально.

— От этого ему легче?

— Ему вернули деньги.

— Я вернула. Из кассы.

— Вычтете.

— Нечего уже вычитать.

Она села на коробку бумаги. Тяжело, без начальственного достоинства.

— Я вашему отцу звонила.

Илья не сразу понял.

— Куда?

— На старый номер. Он в карточке сотрудника как контакт на экстренный случай. Забыла, что...

Она не закончила. Илья почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Несправедливое и поэтому особенно удобное.

— Зачем вы вообще всем звонили?

Тамара Викторовна посмотрела на него.

— Потому что человек пропал.

— Я взрослый.

— Взрослые тоже пропадают.

— Можно было подождать.

— Сколько? Пока запах пойдёт?

Она сказала это грубо. Сразу отвела глаза, но слова уже лежали между коробками. Илья вспомнил отца в альтернативной кухне. Яйцо, батарейки, спор про соль. Вспомнил голос. Все слова были на месте. Смеха не было.

Он попытался снова. Отец смотрит комедию, заранее знает смешное место, плечи поднимаются. Тишина.

— Илья Алексеевич?

— Что?

— Вы слышите?

— Да.

— Идите домой. Завтра принесёте справку.

— Какую?

— Что вы не заразный.

— Чем?

— Тем, чем отравились.

— Пищевое отравление не заразное.

— Справку принесёте, где это написано.

— В медицинской энциклопедии?

— Хоть там.

Он вышел из подсобки, но домой не ушёл. Сел за второй компьютер, пока Коля разбирался с заказом мужчины. Тот уже требовал новую фотографию бесплатно, скидку, жалобную книгу и фамилию владельца принтера.

— Давайте просто ещё раз снимем, — предложил Коля.

— А если вы мне теперь ребёнка напечатаете?

— Тогда тоже не ваш.

Мужчина посмотрел на него.

— У вас все здесь такие?

— Нет, — сказал Илья. — Я хуже.

Тамара Викторовна появилась в дверях подсобки.

— Домой.

Илья взял куртку. Фотография под ремнём мешала ходить. В туалете он заперся, достал её и положил на закрытую крышку бачка. Изображение стало чуть светлее. Сначала он решил, что виновата холодная лампа. Поднёс ближе.

В левом нижнем углу, где на фотографии стоял журнальный столик, появилось маленькое белое пятно. Не блик. Участок бумаги потерял изображение. Размером с ноготь. В правом верхнем углу, возле книжной полки, белело второе. Илья провёл пальцем. Поверхность гладкая.

Перевернул.

ПРОЖИТО: 2 ДНЯ.

Ниже:

ОПЛАТА ПРИНЯТА: 2.

Он достал ручку.

ЧТО ИМЕННО?

Чернила исчезли. Ответ появился не сразу.

ТО, ЧТО СВЯЗЫВАЛО ВАС С НЕВЫБРАННОЙ ЖИЗНЬЮ.

— Нормальными словами.

Он написал:

КАКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ?
ПЕРВЫЕ ПОДХОДЯЩИЕ.

— Подходящие кому?

Ответа не было. Он написал ещё:

ИХ МОЖНО ВЕРНУТЬ?

Бумага оставалась пустой. В дверь туалета постучали.

— Илья Алексеевич, вы там живой? — спросил Коля.

— Пока да.

— Тамара Викторовна сказала проверить.

— Передай, что справка будет.

— Какая?

— О жизни.

Коля отошёл. Илья убрал снимок во внутренний карман куртки. На улице было холоднее, чем два дня назад. У края тротуара лежал серый снег, пронизанный чёрными крупинками. Люди обходили лужу, не поднимая глаз. Город не заметил, что Илья прожил другую жизнь. Для города люди посто-

янно исчезали на два дня, возвращались, врали про отравление и продолжали мешать друг другу возле дверей.

Он позвонил Лене. Она ответила сразу.

— Ты где?

— Возле работы.

— Я еду к тебе.

— Не надо.

— Надо.

— Я сам приеду.

— Куда?

— В квартиру отца.

Пауза.

— Хорошо. Через час.

— Возьми коробки.

— Они у тебя.

Илья посмотрел на проезжающий автобус.

— Какие?

— Которые я принесла тебе на работу в тот вечер.

Он вспомнил Лену в центре. Серое пальто. Коробки на стойке. Разговор про волосы. Она ушла, а он отвёз коробки домой. Они стояли у стены.

— Да. Точно.

— Илья, что с тобой?

— Отравился.

— Тамара Викторовна уже сказала. Она звонила мне семь раз.

— Вы теперь подруги?

— Я думала, ты умер.

— Не повезло.

Лена не ответила.

— Извини, — сказал он.

Слово вышло слишком поздно.

— Приезжай, — сказала она. — И не исчезай по дороге.

В квартире отца было холодно. Лена включила свет в коридоре, поставила коробки возле шкафа и сразу открыла окна.

— Здесь невозможно дышать.

— На улице минус.

— Здесь пахнет холодильником.

— Он отключён.

— Тем более.

Она сняла пальто и прошла на кухню. Илья остался в комнате. Вещи стояли на местах. Газета на подоконнике. Плед на диване. Очки возле телевизора. Отец мог выйти из ванной и спросить, зачем они устроили сквозняк.

Илья подошёл к фотографии на комоде. Он и отец возле гаража. Илье двадцать два. Отец держит дрель, Илья — банку пива. Оба смотрят в камеру недовольно, потому что снимала тётя Галя и долго не могла нажать кнопку. Он помнил тот день.

Отец менял проводку. Илья приехал помочь, но почти всё время сидел возле ворот и читал сообщения от Лены. По-

том они поссорились, потому что отец назвал его бесполезным. Через час мирились шашлыком. Звук голоса сохранился. Смех — нет.

Илья достал телефон и открыл запись с похорон. Кто-то из родственников прислал видео, где показывали фотографии отца под музыку. Он пролистал. В одном старом ролике отец сидел на даче и рассказывал анекдот. Камера дрожала. За кадром кто-то смеялся. Отец закончил анекдот и тоже рассмеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.